

Но ни чѣмъ столько *Японцы* не причинили намъ досады, какъ разспросами своими о казармахъ. Прежде сего я упомянулъ уже, что въ *Хакодаде* они непременно хотѣли знать, надъ какимъ числомъ людей мы должны по чинамъ нашимъ начальствовать на сухомъ пути. Здѣсь они повторили пошлѣе вопросъ, и потомъ спросили: гдѣ матрозы живутъ въ *Петербургѣ*? Въ казармахъ, отвѣчали мы. Тутъ спали они просить *Г. Мура* начершмиъ имъ, сколько онъ можетъ припомнить, расположеніе всего *Петербурга* и означить на немъ, въ которой части стояшъ матрозскія казармы. Коль скоро это, въ угожденіе имъ, было сдѣлано, тогда хотѣли они знать длину, ширину и вышины казармъ, сколько въ нихъ оконъ, воротъ и дверей; во сколько они этажей; въ которой части оныхъ живутъ матрозы и гдѣ храняшъ свои вещи; чѣмъ они занимаются; сколько человекъ стоишъ на часахъ при казармахъ, и проч. Но этого еще мало: отъ матрозскихъ казармъ обратились они къ солдатскимъ; непременно хотѣли знать, сколько ихъ всѣхъ; въ какихъ частяхъ города находяшся, и велико ли число войскъ всѣ онѣ вмѣстѣ могутъ. На большую часть такихъ вопросовъ, мы отвѣчались незнаніемъ; но это отнюдь не мѣшало *Японцамъ* продолжашъ насъ спрашивать о подобныхъ бездѣлицахъ. Потомъ спрашивали они насъ въ какой части города были наши квартиры, въ какомъ разстояніи отъ дворца и требовали, чтобы мы означили ихъ на планѣ. Наконецъ хотѣлось имъ знать велики ли были онѣ и сколько находилось людей въ услугахъ у насъ.

Часто мнѣ приходила въ голову мысль, не съ намѣреніемъ ли *Японцы* такимъ образомъ насъ мучашь? Ни что не могло бытъ большимъ намъ наказаніемъ, какъ принужденіе отвѣчать на такой вздоръ, и потому иногда мы, пошлявъ терпѣніе, прямо говорили имъ, что не хотимъ отвѣчать; пускай лучше убьютъ насъ, нежели спрашиваютъ такія нелѣпости; но *Бунносъ* потчасъ ласковымъ обхожденіемъ примирялъ насъ съ собою и спросивъ что нибудь дальное, опять принимался за бездѣлки. Мы сшарались уже всеми мѣрами не подавать имъ причинъ къ какимъ либо вопросамъ и всегда отвѣчали коротко; но это не помогало. Всякое слово наше доставляло имъ матерію предложивъ нѣсколько вопросовъ. Напримѣръ, удивляясь красивому почерку и искусству въ рисованьи *Г. Мура*, почитали они его человѣкомъ весьма ученымъ, а потому и спросили, гдѣ онъ воспитывался. *Г. Муръ* не сказалъ имъ, что получилъ воспитаніе въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, дабы тѣмъ не подать *Японцамъ* поводу къ тысячѣ вопросовъ касательно сего заведенія; а отвѣчалъ, что онъ воспитанъ въ домѣ дяди своего. Тушъ пошли вопросы: кто дядя его, богатъ ли, гдѣ живетъ, самъ ли онъ училъ его и проч. а на отвѣтъ, что онъ нанималъ для него учителя, потчасъ спросили имя учителя, гдѣ онъ самъ учился и проч. Когда же меня спросили, гдѣ я воспитывался, то чтобы избѣжать толь несносной скуки, отвѣчалъ я, что училъ меня мой отецъ. Я думалъ, что шутъ и конецъ вопросамъ, но ошибся: надлежало еще имъ сказать, въ какомъ

мѣстѣ это было, давно ли, велико ли состояніе имѣлъ мой отецъ, какія науки онъ зналъ и проч.

Между прочимъ показывали они намъ всѣ ошобранныя отъ насъ вещи и спрашивали о каждой порознь, какъ онъ называется, къ чему и какимъ образомъ употребляющъ ихъ, изъ чего и гдѣ дѣланы, чего стоятъ и проч. Всѣ наши отвѣсы они записывали, а къ вещамъ привязывали билеты также съ надписями. Однажды, въ присущствіи *Буніоса*, вдругъ принесли одинъ изъ оставшихся послѣ меня на шлюпѣ ящичковъ съ *Англійскими* и *Французскими* книгами, о которыхъ мы и не знали, что онъ присланъ. *Японцы*, вынувъ изъ него всѣ книги, стали намъ ихъ показывать и спрашивать, о чемъ въ нихъ писано. Объясненія наши на каждую книгу они записывали и прикладывали къ ней. Содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ неспрудно было изъяснить; но другія причинили намъ много затрудненія и скуки, въ томъ числѣ *Либесова* Физика въ трехъ томахъ на *Французскомъ* языкѣ. При семъ сочиненіи находилось много чертежей и рисунковъ разныхъ инструментовъ и машинъ, которые произвели въ *Японцѣхъ* чрезвычайное любопытство. Разсматривая рисунки, они крайне удивлялись и радовались, что попалась имъ въ руки такая книга; они хотѣли знать, что въ ней писано и требовали изъясненія разныхъ фигуръ, наиболѣе ихъ поразившихъ. Тщешно мы отговаривались, представляя имъ, что съ такимъ переводчикомъ, каковъ нашъ *Алексѣй*, невозможно дать имъ какое либо понятіе о предметахъ, въ этой книгѣ

закрывающихся. Они настоятельно просили насъ, какъ нибудь объяснить имъ, что это за книга. Мы показали *Алексѣю* на воронъ и на блоки, и сказали ему, что она учить, какъ легче поднимать большія тяжести и многому другому. *Алексѣй* насъ пошчасъ понялъ и перевелъ *Японца*бъ; но они этимъ не были довольны; такія обыкновенныя вещи и самимъ имъ давно уже были извѣстны; а показавъ на чертежъ, которымъ изъясняется преломленіе лучей, спросили они, что это значить, не разстояніе ли между солнцемъ и землею посредствомъ этой фигуры узнается? Я думалъ, что сіе будешь неслишкомъ трудно объяснить *Алексѣю* и спросилъ его, замѣшилъ ли онъ когда нибудь, что весло, будучи однимъ концемъ опущено въ воду, кажется переломленнымъ. *Да такъ, видалъ я это*, сказалъ онъ, *а какой причина, не знаю*. Но когда дошло дѣло до преломленія лучей, то онъ спросилъ у меня, что такое лучъ, а узнавъ настоящее значеніе сего слова, началъ громко смѣяться, сказавъ: *гіортъ тебѣ знаетъ, какой люди могу лучъ ломать!* Мы не могли удержаться отъ смѣха, да и *Японцы*, видя насъ смѣющихся, начали также хохотать, не понимая чему; однако жъ не трудно было имъ угадать причину, что *Алексѣй* былъ плохой переводчикъ въ такихъ предметахъ, хотя самъ онъ вѣроятно былъ тѣхъ мыслей, что мы не дѣло говорили, а бредили. Тогда они, взявъ отъ насъ книгу, сказали: *послѣ, послѣ*, и начали съ большою бережливостію укладывать наши книги въ ящикъ по прежнему. Случай сей и слова *Японцевъ: послѣ, послѣ*, мно-

го увеличили грусть нашу. Мы рассчитывали, что теперь вѣрно Японцы принимаютъ насъ за людей весьма ученыхъ, а особливо меня, потому, что на всѣхъ книгахъ было подписано мое имя, о чемъ они спрашивали и изъявили удивленіе узнавъ, что всѣ книги сіи принадлежатъ мнѣ одному, слѣдовательно скоро и легко они съ нами не разстанутся; слова же: *послѣ, послѣ*, кажется, довольно ясно показываютъ ихъ надежду, что придетъ время, когда мы будемъ въ состояніи объяснить имъ содержаніе сихъ, крайне мудреныхъ для нихъ, книгъ; а вѣрояно, что рисунки разныхъ машинъ захопятъ они употребить въ пользу своего Государства. Тогда безъ насъ имъ уже не обойтись. Такая мысль насъ жестоко мучила. Здѣсь упомяну я о двухъ замѣчаніяхъ Японцевъ касательно нашихъ книгъ: они спросили, почему у меня всѣ книги иностранныя, а Русскихъ только двѣ, (1); развѣ не умѣютъ въ Россіи такихъ книгъ печатать? Это такъ случилось, сказалъ я, что прислали съ корабля ящикъ съ иностранными книгами; Рускія книги лежали въ другихъ ящикахъ. Тогда они спросили, отъ чего это происходитъ, что иностранныя мои книги напечатаны такъ чисто и на такой прекрасной бумагѣ, а Русская дурно напечатана и на весьма худой бумагѣ. Есть и Рускія книги напечатанныя хорошо, и иностранныя, которыя дурно напечатаны и на худой бумагѣ; а это случайно такъ попало, отвѣчалъ я. Но

(1) Ташицева Французской лексиконъ въ двухъ томахъ.

между чрезвычайнымъ множествомъ, къ одному любопытству принадлежащихъ, вопросовъ или другихъ и со всѣмъ ни къ чему не служащихъ, *Японцы* разспрашивали насъ о войскахъ сухопутныхъ и морскихъ, о крѣпостяхъ, о богатствѣ и силѣ *Имперіи* нашей и проч. На это мы охотно имъ отвѣчали и всегда хорошо помнили, что говорили, такъ, что если быдесять разъ вздумали они повторять свои вопросы, то отвѣты были бы тѣ же. Имъ невѣрояно казалось, чтобъ у насъ были девяностудовыя бомбы; а также смѣялись они тому, что мы предпочитаемъ палишь изъ ружей кремнями. *Японцы* же употребляютъ фишилы.

Что принадлежатъ до предметовъ собственно къ нашему дѣлу принадлежащихъ, то здѣсь *Буніосъ* поспорилъ по нѣскольку разъ всѣ тѣ вопросы, на которые мы уже дали отвѣты въ *Хакодадѣ*; но предлагалъ ихъ въ разные дни и не болѣе какъ по одному и по два въ день, между бездѣлицами, такъ точно, какъ бы они для *Японцевъ* не имѣли никакой важности; но спросивъ о чемъ либо до дѣла касающемся, старался онъ всѣми мѣрами получить подробный и ясный отвѣтъ. При сихъ вопросахъ открылось намъ вновь весьма непріятное обстоятельство, очень много насъ огорчившее: мы узнали, что опредѣленные къ намъ два работника были тѣ самые, которыхъ *Хвостовъ* увезъ съ острова *Сахалина* и, продержавъ зиму въ *Камгаткѣ*, опять возвратилъ въ *Японию*; но съ какою цѣлю все это онъ дѣлалъ, мы не знали. Работники сѣи поочереды ходили съ нами въ замокъ, и всегда находились при нашихъ

свиданіяхъ съ *Буньосолѣ*. Однажды, разспрашивая насъ о *Хвостовѣ*, спросилъ онъ что-то у бывшаго тутъ рабшника, который въ отвѣтъ своемъ (что мы очень хорошо поняли) говорилъ и показывалъ, что *Хвостовѣ* носилъ мундиръ съ такими же нашивками, какія у меня и у *Г. Мура*, чему *Японцы*, поглядывая на насъ, очень много смѣялись.

Когда *Буньосѣ* разспросилъ насъ обо всемъ, что сказалъ, что теперь онъ насъ долго не позоветъ къ себѣ, и дастъ намъ время описать подробно все наше дѣло, а какимъ образомъ составишь это описаніе, будешь насъ руководствовать переводчикъ *Кумаджеро*, которому по сему предмету дастъ онъ нужныя наставленія. Онъ всякой разъ отпускалъ насъ увѣщая не предаваться опчаянію, молиться Богу и на него надѣясь; а также если въ чемъ имѣемъ нужду, то не стыдясь просить у него прямо, ибо онъ сдѣлаешь для насъ все, что непротивно *Японскимъ* законамъ.

Теперь упомяну я о нѣкоторыхъ снисхожденіяхъ, которыя *Японцы* намъ оказали въ теченіе Октября. Я уже выше сказалъ о тепломъ платьѣ и о медвѣжинахъ, которыя *Японцы* намъ дали; а какъ погода становилась день отъ дня холоднѣе, и мы жили, можно сказать, почти на открытомъ воздухѣ, то *Японцы* наружную рѣшешку между столпами оклѣили бумагою, оставя вверху окна, которыя открывались веревкою и закрывались какъ корабельные порты; окна сіи однажды сдѣлали они по усиленной нашей просьбѣ, ибо посредствомъ ихъ покрайней мѣрѣ иногда могли мы

видѣть небо и вершины деревъ, а иначе не видали бы совершенно ничего. Въ нашемъ положеніи и то насъ утѣшало, что хотя изрѣдка могли мы, подобно людямъ на свободѣ живущимъ, смотрѣть на небо. Помощь передъ каждою клѣшкою, шагахъ въ $1\frac{1}{2}$ или 2 отъ оныхъ, вырыли они большія ямы, на всѣхъ сторонахъ коихъ положили толстыя плиты, а внутрь, вмѣсто вынутой земли, насыпали песку (1). Такимъ образомъ устроивъ очаги, спали они держась на нихъ съ утра до вечера огонь, упоминая для сего дровяное уголье. У огня мы могли грѣться сидя въ своихъ клѣшкахъ на полу подлѣ рѣшетокъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего дали намъ *Японцы* куришельный табакъ и трубки на весьма длинныхъ чубукахъ, на срединѣ коихъ насадили они деревянные круги такой величины, чтобы не проходили они сквозь рѣшетку между столпами; это сдѣлано было въ

(1) При назначеніи мѣстъ для ямъ, многіе *Японскіе* Чиновники, переводчикъ, лекаръ и архитекторъ, такъ сказавъ, держали совѣтъ, все осматривали, вымѣривали и разсуждали около часа. Сначала думали мы, что они зашѣваютъ что нибудь важное, но послѣ узнали къ чему все это клонилось: они хотѣли помѣстивъ очаги такимъ образомъ, чтобы мы не были въ состояніи достать съ нихъ огня руками; но при томъ, чтобы могли посредствомъ длинныхъ чубуковъ раскуривать трубки. Медлительность *Японцевъ* и вниманіе ихъ ко всякой малости чрезвычайно насъ огорчало. Мы думали: если такіа бездѣлицы заставляютъ ихъ совѣтоваться и разсуждать по цѣлому часу; то сколько времени потребно будетъ для нихъ, чтобы привести къ концу наше дѣло?

предосторожность, чтобъ мы не могли взять къ себѣ въ тюрьму трубокъ съ огнемъ. Такая спранныя недовѣрчивость намъ была крайне непріятна, и мы не скрывали этого отъ *Японцевъ*, упрекая имъ за варварское ихъ мнѣніе о *Европейцахъ*; но они смѣялись и ссылались на свои законы, говоря, что оныя повелѣвають не давать ничего такого плѣннымъ, чѣмъ бы могли они причинить вредъ себѣ или другимъ; и что шабакъ позволяють намъ курить по особенному добродушію и снисхожденію Губернатора; впрочемъ по закону ихъ позволишь сего не слѣдовало, а чтобы не нарушая закона сдѣлать и намъ добро, *Японцы* выдумали сіи круги и пошому сердиться за это мы не должны. Сіе изъясненіе насъ пошчасъ успокоило, и мы даже обрадовались, что услышали такую вѣсть, разсуждая: видно и у *Японцевъ* также иногда бываетъ, какъ и у *Европейскихъ циниковъ*, что дважды два иногда дѣлають чешыре, а иногда пять; и если такъ, то немудрено, что они, опасаясь войны съ *Россією*, согласятся лучше сквозь пальцы посмотрѣть на строгость своихъ законовъ и вернушь въ нихъ, по нашему по *Европейски*, какой нибудь крючокъ, чтобъ насъ освободить, нежели подвергнушь себя нападенію сильнаго воинственнаго сосѣда. Припомъ *Японцы* увѣряли насъ, что состояніе наше пошпеленно будешь улучшиваться, и со временемъ содержать насъ станушь весьма хорошо; а наконецъ, въ довершеніе всѣхъ милостей, они намъ позволяютъ возвращишь въ свое отечество. При семъ разговорѣ *Японцы* говорили намъ, что по ихъ обыкновенію ищ-

чего не лѣзя дѣлать вдругъ, а все дѣлается по немногу; почему и наше сословіе улучшаются они поспешенно; да и въ самомъ дѣлѣ мы испытали, что *Японцы* двухъ одолженій въ одинъ день никогда не сдѣлають.

Между прочими одолженіями, которыя оказывалъ намъ *Бунъиосѣ*, одно заслуживаетъ особенное вниманіе: однажды принесли къ намъ на показъ модели разныхъ лодокъ и судовъ, только не *Европейскихъ*, а, какъ я думаю, изъ какой нибудь *Китайской* провинціи, нашъ серебряный рубль съ изображеніемъ *Екатерины II*, мѣшокъ *Японскаго* пшена пуда въ два и богатой судокъ или погребець, подъ лакомъ и мѣстами подъ золотомъ, которой, какъ сказали, принадлежалъ Губернатору. О моделяхъ и о судкѣ спрашивали насъ *Японцы*, выдали ли мы такія вещи въ *Европѣ*; о рублѣ спросили, какъ монета сія называется и какой цѣны; а о мѣшкѣ, сколько въ немъ будетъ *Русскаго* вѣсу. Вопросы ихъ были корешки, и спрашивали они насъ безъ обыкновеннаго своего любопытства; но послѣ, вынувъ изъ судка прекрасную *сагу* и конфекты, спали насъ подчивать; по окончаніи же подчиванія переводчикъ *Куладжеро* далъ намъ знать, что это было сдѣлано по повелѣнію Губернатора, который по ихъ законамъ не можетъ угощать насъ у себя. Вообще можно сказать, что теперь *Японцы* прилагаютъ стараніе, чтобы насъ успокоить и чрезвычайно заботились о сохраненіи нашего здоровья. Всякой день насъ навѣщала лекарь; а если кто имѣлъ какой нибудь малѣйшій припадокъ, то онъ приходилъ по два и по три раза въ день, и нерѣдко случалось,

что въ сомнительныхъ для него случаяхъ, приглашалъ съ собою для совѣша другихъ лекарей. Они спали такое имѣть объ насъ попеченіе, что однажды ночью, по случаю сдѣлавшейся превози въ городѣ отъ пожара (1), караульные вошли къ намъ тихонько и, сказавъ причину оной, просили, чтобъ мы не беспокоились. Въ первые же дни заключенія нашего въ *Матсмаб*, не были они такъ внимательны къ нашему спокойствію.

Въ числѣ снисхожденій, которыя *Японцы* старались намъ оказать, не должно умолчать объ одномъ довольно смѣшномъ случаѣ, которому однакожь настоящей причины мы не могли узнать. Надъ споломъ нашимъ имѣлъ надзоръ одинъ Чиновникъ, старикъ лѣтъ въ шестьдесятъ. Онъ съ нами обходился весьма ласково и часто утѣшалъ насъ увѣреніями, что мы непременно будемъ возвращены въ свое отечество. Однажды принесъ онъ намъ троимъ, три картинки, изображающія *Японскихъ* женщинъ въ богатомъ одѣянн; мы думали, что онъ намъ принесъ ихъ только на показъ и для того, посмотрѣвъ, хотѣли ему возвратить; но онъ предложилъ, чтобъ мы оставили у себя; а когда мы отказывались, то онъ настоятельно просилъ насъ взять ихъ. За чѣмъ намъ? спросили мы. „Вы можете иногда отъ скуки поглядывать на нихъ“, отвѣчалъ онъ. Въ та-

(1) Пожаръ произошелъ отъ загорѣвшагося, по неосторожности караульщика, судна, которое стояло на берегу подъ крышею. При пожарахъ *Японцы* бьютъ набатъ въ колокола также часто, какъ и у насъ, и спугиваютъ ба-
рабаны по улицамъ.

комъ ли мы теперь состояніи, сказали мы, чтобы намъ смотрѣть на такихъ красотокъ (которыя однакожь въ самомъ дѣлѣ были такъ мерзко нарисованы, что не могли произвести никакихъ чувствъ, кромѣ смѣха и отвращенія, по крайней мѣрѣ въ *Европейцахъ*). Не смотря однакожь на ошказъ нашъ, старикъ настаивалъ, чтобы мы приняли картинки, которыя мы тогда же подарили переводчику *Куладжеру*.

Въ послѣдней половинѣ Октября приступили мы къ описанію нашего дѣла. Для сего дана намъ была бумага и чернила, и *Куладжеро* сказывалъ намъ, какъ писать. Сначала случилась у насъ съ *Японцами* большая ссора и мы не хотѣли было ничего писать. Причина оной была слѣдующая: *Куладжеро* хотѣлъ, чтобы мы сперва написали на особенныхъ листахъ сами за себя и за маэровъ нашихъ, такъ сказать, послужные наши списки, то есть, гдѣ и когда мы родились, имя отца, маэри, сколько лѣтъ въ службѣ и проч. и проч. Мы удовлетворили его требованію; но когда это было кончено, то онъ хотѣлъ, чтобы мы на тѣхъ же листахъ продолжали писать всякой вздоръ, о которомъ они насъ спрашивали; напримѣръ: *Рускіе хоропятъ мертвыхъ за городомъ, на особенныхъ кладбищахъ у церквей, нарочно для того сдѣланныхъ; надъ могилами ставятъ кресты или другіе памятники* и проч. Такихъ пустыхъ вещей, мы писать не хотѣли, сказавъ, что нашего вѣка не достанетъ описать всѣ бездѣлицы, о которыхъ *Японцы* насъ разспрашивали, что *Бунносъ* увѣрялъ насъ, будто онъ хочетъ только

имѣшь на бумагѣ въ *Японскомѣ* переводѣ наше дѣло, которое мы всегда готовы написать, но вздора ни за-что пишешь не спанемъ. *Японцы* сначала сердились и увѣщевали насъ, чтобъ мы не ошговаривались дѣлать то, что можешь послужить намъ въ пользу; однакожъ мы поставили на своемъ, и они согласились, чтобъ мы не писали ничего къ нашему дѣлу не принадлежащаго; дѣло же наше должно бытъ описано съ отбышя нашего изъ *Петербурга*: зачѣмъ пошли, гдѣ плавали и зимовали, какъ увидѣлись съ *Японцами* и проч. Припомъ они сказали намъ, что все прочее можешь бытъ описано коротко; но о сношеніи нашемъ съ *Японцами* надлежитъ писать какъ можно подробнѣе и вразумительнѣе, не выпуская даже самадѣйшаго происшествія; а припомъ въ описаніи нашемъ нужно упомянуть о *Резановѣ* и *Хвостовѣ*, все то, что мы словесно сообщили *Японцамъ*. Мы на сіе согласились, и условились съ *Куладжеромъ* такимъ образомъ, что въ небытность его у насъ въ шюрмѣ, мы спанемъ писать, а когда онъ придетъ, то взявъ *Алексы* въ нашу клѣшку, будемъ переводить написанное на *Японскій* языкъ, а онъ насъ просилъ, чтобъ копію для перевода писали мы такъ, дабы между каждымъ двумя спроками, можно было помѣстить еще двѣ и болѣе.

Условясь такимъ образомъ, принялись мы за дѣло. Намъ хотѣлось сперва писать начерно, дабы имѣшь у себя копію; но опасаясь, чтобы караульные (1) наши

(1) Они почти безпрестанно на насъ смотрѣли.

этого не замѣтили и послѣ не ошобрали отъ насъ нашихъ бумагъ, мы дѣлали это весьма скрытно и съ величайшимъ трудомъ. Г. Хлѣбниковъ садился обыкновенно подлѣ рѣшетки въ большомъ своемъ халатѣ, спиною къ Японцамъ, ставилъ подлѣ себя въ маленькой деревянной ложечкѣ (1) чернила, и писалъ соломенкою (2), а я ходилъ взадъ и впередъ и давалъ ему знать, когда кто изъ караульных принималъ такое положеніе, что могъ примѣтить его занятія. Бумаги, которую приносилъ намъ Куладжеро, мы не смѣли употреблять, опасаясь не ведетъ ли онъ ей щепъ; но писали на мерзской бумагѣ, которую получали для сморканія носа, а Г. Миръ переписывалъ набѣло наши сочиненія, которыя, подъ видомъ обыкновеннаго разговора, мы ему диктовали. Но это было еще ничто въ сравненіи съ трудностію, которую встрѣтили мы при переводѣ, съ такими толмачами, каковы были Алексѣй и Куладжеро. Правда, что мы старались написать свою бумагу, употребя въ оной сколько воз-

-
- (1) Японцы не употребляютъ ни ложекъ, ни вилокъ, а ѣдашъ двумя тоненькими палочками; жидкое же кушанье прихлѣбываютъ изъ чашки, какъ мы чай; почему въ дорогѣ еще, Курильцы сдѣлали для насъ деревянныя маленькія ложечки, изъ коихъ одна теперь пригодилась намъ на чернилицу.
- (2) У нихъ перья не въ употребленіи; а пишутъ они кистями, которыми такъ скрытно не лзя было Г. Хлѣбникову владѣть; почему принуждены мы были прибѣгнуть къ соломенкамъ, попавшимся на полу.

можно болѣе словъ и идиомовъ, къ которымъ *Алексѣй* пріобыкъ; такъ напримѣръ: вмѣсто *огень* или *весьма*, ставили *шибко*; *непрінтельскія дѣйствія* означали мы словомъ *драться*; вмѣсто *приходилъ съ дружескимъ намереніемъ*, писали *съ добрымъ чюломъ*, и проч. такъ, что наше сочиненіе могло бы очень позабавивъ чипашеля своимъ слогомъ; но со всѣмъ тѣмъ, мы не въ силахъ были, да и способовъ не имѣли выразить мысли наши совершенно понятнымъ образомъ для *Алексѣя*, а иногда встрѣчались такія мѣста, которыя онъ весьма хорошо понималъ, но не находилъ на *Курильскомъ* языкѣ приличныхъ словъ или выраженій, чтобы сообщить оныя *Японскому* переводчику.

Куладжеро прислунилъ къ дѣлу такимъ образомъ: сначала спрашивалъ у насъ настоящій *Русскій* говоръ каждаго слова и записывалъ его *Японскими* буквами надъ тѣмъ словомъ. Записавъ такимъ образомъ произношеніе словъ цѣлаго листа, начиналъ онъ спрашивать, что каждое изъ нихъ значить само по себѣ независимо отъ другихъ и также записывалъ надъ словами *Японскія* значенія. Вошъ шупъ мы довольно помучились: онъ былъ человекъ лѣтъ въ 50, отъ природы крайне шупъ и не имѣлъ нисколько понятія о *Европейскихъ* языкахъ, и я думаю ни о какой грамматикѣ въ свѣтѣ. Когда мы ему толковали какое нибудь слово посредствомъ *Алексѣя*, и знаками, и примѣрами, то онъ слушая безпрестанно говорилъ о! о! о!, что у *Японцевъ* значить тоже, какъ у насъ *да, такъ, понимаю*. Такимъ образомъ, толковавъ ему объ одномъ

словѣ съ полчаса и болѣе, мы оканчивали, воображая, что онѣ хорошо поняли; но лишь только мы пересказывали говорить, то онѣ насъ въ ту же минуту опять о томъ же спрашивали, признавались, что совсѣмъ насъ понять не могли, и шѣмъ досаждалъ намъ до крайности. Мы сердились и бранили его, а онѣ смѣялся и извинялся шѣмъ, что онѣ спартъ, а *Руской* языкѣ слышкомъ мудренѣ. Одно слово *Императорской* занимало его болѣе двухъ дней, пока поняли онѣ, что оно значить. Часа по два сряду мы объясняли ему сіе слово, приводя всевозможные примѣры. *Алексѣй* зналъ оное очень хорошо, и также подковалъ ему; онѣ слушалъ, улыбался, приговаривалъ о! о! со! (такъ); но едва успѣвали мы кончить, какъ вдругъ говорилъ онѣ: „*Императоръ* понимаю, *ской* не понимаю“; то есть: что такое *Императоръ*, я понимаю, но не понимаю, что значить *ской*. Болѣе же всего затрудняли тупую его голову предлоги; онѣ вообразить себѣ не могли, чтобы ихъ можно было ставить прежде именъ, къ которымъ они относятся, попому что по свойству *Японскаго* языка должны они за ними слѣдовать и для того крайне удивлялся, да и не вѣрилъ почти, чтобы на такомъ, по его мнѣнію, варварскомъ и недостаточномъ языкѣ, можно было что нибудь порядочно изъяснить. Написавъ же значенія словъ, начиналъ составлять смыслъ, раздѣлялъ на періоды; тушь представлялась новая бѣда и затрудненія: ему непремѣнно хотѣлось, чтобы *Рускія* слова слѣдовали одно за другимъ поочно шѣмъ же порядкомъ, какъ идутъ онѣ въ *Японскомъ* переводѣ

и онъ требовалъ, чтобъ мы ихъ переставили, не понимая того, что тогда вышелъ бы изъ нихъ невразумительный вздоръ. Мы увѣряли его, что этого сдѣлать невозможно, а онъ утверждалъ, что переводъ его покажется невѣрнъ и подозрительнъ, когда въ немъ то слово будетъ стоятъ на концѣ, которое у насъ стоитъ въ началѣ и тому подобное. Наконецъ, по долгомъ разсужденіи и спорахъ, мы спали его просить, что бы онъ постарался привести себѣ на память какъ можно болѣе *Кирильскихъ* и *Японскихъ* рѣченій одно и тоже означающихъ, и сравнилъ бы ихъ, однимъ ли порядкомъ слова въ обоихъ сихъ языкахъ сходящъ. „Я знаю, что не такъ, отвѣчалъ онъ, но языкъ *Кирильскій* есть языкъ почти дикаго народа, у котораго нѣтъ и грамоты, а на *Рускомъ* языкѣ пишутъ книги.“ Замѣчанію этому немало мы смѣялись, и онъ самъ смѣялся не менѣ насъ. На послѣдокъ мы увѣрили его честнымъ словомъ, что въ нѣкоторыхъ *Европейскихъ* языкахъ есть великое множество сходныхъ словъ, но пишутъ на нихъ такъ, чтобы слова слѣдовали одно за другимъ тѣмъ же порядкомъ невозможно; а съ *Рускими* и *Японскими* языками уже и вовсе нельзя этого сдѣлать. Тогда онъ успокоился и началъ переводить какъ должно: понявъ смыслъ нашего періода, прибавлялъ *Японскія* выраженія тоже означающія, не заботясь уже о порядкѣ словъ. Но когда случалось, что смыслъ былъ сходенъ и слова слѣдовали одно послѣ другаго тѣмъ же порядкомъ или близко къ тому, то онъ чрезвычайно былъ доволенъ, отъ чего иногда, пошоронясь,

впадалъ и въ погрѣшности, ибо не понявъ хорошенько нашего толкованія, но видѣвъ, что если *Японскія* слова поставишь онъ тѣмъ же порядкомъ, какъ у насъ онъ стоялъ, то выйдетъ смыслъ хотя и совершенно различный онъ настоящаго, однакожь потчасъ съ большимъ восторгомъ записывалъ оной и всегда перемѣнялъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, когда мы, спросивъ его, какъ онъ насъ понималъ, находили ошибку и снова изъясняли ему иначе.

По окончаніи перевода нашего дѣла (что не прежде случилось, какъ около половины Ноября) написали мы къ Губернатору прошеніе, въ которомъ, давъ ему титулъ *Превосходительства*, просили его учтивымъ образомъ, принявъ въ разсужденіе всѣ обстоятельства, доказывающія нашу справедливость и представивъ своему Правительству о доставленіи намъ свободы и средствъ возвратиться въ *Россію*. Надъ переводомъ сего прошенія немало такъ же мы трудились и хлопотали. Наконецъ, послѣ множества вопросовъ, поясненій, замѣчаній, прибавленій и проч, которыя мы дѣлали по требованію Чиновниковъ, разматривавшихъ *Японской* переводъ, дѣло сіе было кончано, и намъ сказано, что скоро насъ представяшь *Буніосцу*, и что онъ будетъ спрашивать насъ лично, обо всемъ написанномъ, чтобъ повѣрить точность перевода.

Между тѣмъ пока мы занимались сочиненіемъ своей бумаги, *Алексѣю* позволено было и безъ *Куиладжера* быть у насъ; но такъ какъ мы недовѣрили его искренности къ намъ, то въ нужныхъ случаяхъ говорили

между собою отборными словами, которыхъ, мы увѣрены были, онъ не разумѣлъ; а нерѣдко вмѣшивали и иностранные слова, что *Алексѣй* очень скоро замѣтилъ и своимъ языкомъ сказалъ намъ съ большимъ огорченіемъ, сколь прискорбно ему видѣть нашу въ разсужденіи его недовѣрчивость, и что мы, подозрѣвая его, скрываемъ отъ него наши мысли, какъ будто бы онъ не былъ такой же *Рускій*, какъ и мы и не тому же Государю служилъ; причемъ онъ сказалъ, что, по взятіи ихъ на островѣ *Итируупѣ*, *Японцы* раздѣлили ихъ на двѣ паршіи, одну оставили на *Итируупѣ*, а другую, въ которой и *Алексѣй* съ своимъ опцемъ находился, оправили на *Кунаширѣ*. Ложное показаніе, будто *Рускіе* ихъ послали, выдуманно первою изъ сихъ парсій, но та, гдѣ онъ былъ, долго опвергала этошъ обманъ, пока *Японцы*, застрашавъ ихъ пыtkою и наказаніемъ, если они стануть запирашьяся, а въ прошивномъ случаѣ, обѣщая освобожденіе и награду, не принудили подтвердить выдуманную ложь; теперъ же *Алексѣй* сказалъ намъ, что онъ рѣшился признаться *Японцамъ* въ сдѣланномъ *Курильцами* обманѣ, и что онъ готовъ перенести пытку и принявъ смерть; но въ правдѣ спомятъ будетъ и шѣмъ докажешь, что онъ не хуже всякаго *Рускаго* знаетъ Бога. Десять или двадцать лѣтъ жить ему на землѣ ничего не значить, а хуже будетъ если душа его не будетъ принята въ Небо, и осудится на вѣчное мученье; почему и просилъ онъ насъ помѣстивъ сіе обстоятельство точно такъ, какъ онъ его намъ сказывалъ, въ нашу бумагу. Мысли свои сообщилъ онъ

намъ съ такою швердостію и чувствами, и съ такимъ необыкновеннымъ до сего въ немъ краснорѣчіемъ, что не оставалось нимальшаго сомнѣнія, чтобъ онъ при-
 шворсшвовалъ и говорилъ не опъ чистаго сердца. Мы хвалили его за такое доброе и честное намѣреніе и увѣряли, что въ *Россіи* за сказанную ими ложь онъ никогда наказанъ не будетъ, ибо до сего доведенъ онъ былъ своими поварищами, но сомнѣваемся, повѣрятъ ли ему *Японцы*, и боимся, чтобъ они не подумали, будто мы научили его опперешся опъ прежняго своего показанія; и пошому нужно подумать прежде, какимъ бы образомъ прислушпшь къ сему дѣлу; ибо *Японцы* могутъ спросить: почему *Алексѣй* не признался вамъ въ сдѣланномъ имъ обманѣ, будучи на кораблѣ у васъ; или и во время вашего заключенія, но прежде сего; времени было на то довольно. „Нужды нѣтъ, опвѣчалъ онъ рѣшительно и швердо; пустьъ они вѣрятъ или нѣтъ, мнѣ все равно, лишь бы я правъ былъ передъ Богомъ; я буду говорить правду, вошъ и шолько; пускай меня убьюшъ, но за правду умерешъ несшдно.“ Тутъ, показались у него слезы на глазахъ; насъ это столько шпронуло, что мы спали помышляшъ, какимъ бы образомъ, не обшнѣя бѣднаго *Алексѣя*, опкрышъ *Японца* шб сей обманъ, но не находили никакого способу. Между шмъ онъ самъ при первомъ случаѣ объявилъ переводчику *Кумаджеру*, что шоварищи его обманули *Японцевъ*, сказавъ имъ, будио они были присланы *Рускии*; а напрошпвъ шого они сами прѣхали торговать. *Кумаджеро* крайне удивился сему объявленію и называлъ его дуракомъ и

сумасшедшимъ, но *Алексѣй* спорилъ съ нимъ, увѣряя его, что онъ не дуракъ и не сумасшедшій, а говоритъ настоящую правду, за которую готовъ умереть. Мы не знаемъ, сообщилъ ли *Кумаджеро* тогда же объявленіе *Алексѣя* вышнимъ своимъ Чиновникамъ, но когда насъ спали опять водить въ замокъ къ Губернатору, гдѣ онъ иногда самъ, а иногда старшіе по немъ Чиновники, читая *Японскій* переводъ нашей бумаги, повѣряли оной, и дошло дѣло до того мѣста, гдѣ упоминается о сдѣланномъ *Курильцами* обманѣ, тогда *Алексѣй* спалъ отвергашъ прежнее свое показаніе съ такою же твердостью и присущіемъ духа, какъ и намъ говорилъ; почему всѣ бывшіе тутъ *Японцы*, такъ какъ и караульные наши въ тюрьмѣ, удивляясь тому, что онъ самъ себя губитъ, называли его несмысленнымъ дуракомъ, вѣроятно потому, что они считали его дѣйствующимъ по нашему наученію вопреки истинному дѣлу. Сіе его объявленіе и твердость, съ каковою онъ настаивалъ въ справедливости онаго, заставили *Японцевъ* призывать его одного нѣсколько разъ. Въ такомъ случаѣ мы жестоко спрашивались, чтобы они не принудили его признаться ложнымъ послѣднее свое показаніе и обратиться къ прежнему. Почему при возвращеніи его изъ замка, мы старались тщательно замѣчать всѣ черты лица его, дабы видѣть, въ какомъ расположеніи духа онъ находится; а такъ какъ нынѣ позволено намъ было иногда выходить изъ кѣлокъ, грѣться у огня и прохаживаться по коридорамъ, то мы научали пошихоньку *матрозовъ*, чтобы они вывѣдывали у *Алексѣя*, о чемъ

его спрашивали, и что онъ отвѣчалъ; и если онъ сообщитъ имъ что нибудь для насъ благопріятное, то они изъявили бы сіе намъ кашлянувъ нѣсколько разъ, а въ противномъ случаѣ молчали бы; однако же, къ удовольствію нашему, всякой вечеръ они поднимали шакой кашель, какъ будто было между ими повѣтріе; но когда намъ удавалось пошухоньку разговаривать съ маш-розами, то они чрезвычайно подозрѣвали *Алексѣя* и думали, что онъ хитритъ и *Японцамъ* совсѣмъ другое объявляешъ, нежели какъ говоритъ намъ. Въ доказательство сему они приводили нѣкошорыя его покушенія вывѣдать у нихъ настоящую причину прихода нашего къ *Курильскимъ* островамъ, и то, что иногда онъ имъ совѣшовалъ, открывъ *Японцамъ* прямо все извѣстное имъ о нашихъ намѣреніяхъ; но мы шрое полагали, что какое бы ни было, прежнее намѣреніе *Алексѣя*, но шеперь онъ говоритъ искренно и рѣшился утверждать правду, чтобы съ нимъ ни случилось.

Когда *Японцы* отобразили отъ *Алексѣя* все то, что имъ было нужно, тогда насъ привели къ Губернатору. Первой вопросъ его былъ, дѣйствительно ли это правда, что *Рускіе* не посылали *Курильцевъ* къ ихъ берегамъ; а пошомъ спросилъ, когда *Алексѣй* признался намъ, что они обманули *Японцевъ*. Тушъ вышло несогласіе въ отвѣтахъ: *Алексѣй*, не понявъ хорошенько нашего наставленія, сказалъ не то, что должно; чему *Японцы* много смѣялись. Мы не понимали, что они по сему случаю говорили между собою, но казалось, что они подозрѣвали насъ и *Алексѣя* въ выдумкѣ сего способа

опровергнувъ прежнее показаніе *Кирильцевъ*; но *Алексѣй* не робѣя и, смѣло подтверждая свое объявленіе, пребывалъ личной спавки съ него товарищами, о которыхъ *Японцы* никогда достоверно намъ не сказывали, опустошили они ихъ съ *Итирупа*, по отбытіи *Дианы*, или задержали; изъ караульныхъ же нашихъ, на вопросы оныхъ насъ, всѣ они говорили разное: одни увѣряли, что ихъ опустошили, другіе утверждали нѣтъ, а нѣкоторые опивались незнаніемъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но въ сей разъ мы возвратились домой въ большей горести, предполагая, что *Японцы* непременно объявленіе *Алексѣя* счищаютъ выдумкою и обманомъ, которые натурально должны они приписывать нашему изобрѣтенію, что конечно послужитъ несравненно къ большому еще ихъ прошивъ насъ предубѣжденію. „Теперь уже, говорили мы, *Японцы* имѣютъ полное право поспушнѣть съ нами какъ съ шпионами и обманщиками, хотя впрочемъ сколь мы ни правы, но невинность наша извѣстна только одному Богу и намъ.“ Мысль о вѣчномъ заключеніи, и о томъ, что мы уже никогда не увидимъ своего опечесива, приводила насъ въ отчаяніе, и я въ тысячу кратъ предпочиталъ смерть тогдашнему нашему соспоянію. *Японцы*, примѣшивъ наше уныніе, старались насъ успокоивать, нѣсколько улучшили нашъ столъ и подъ видомъ попеченія о нашемъ здоровѣ, дали намъ по другому спальному хааату на вѣтъ; а наконецъ 19 Ноября съ изъясненіемъ большой радости, повели они насъ въ замокъ. До представленія нашего Губернатору переводчикъ, караульные наши и работ-

ники были очень веселы и уверяли насъ, что Губернаторъ объявитъ намъ весьма пріятную новость; но мы нисколько не понимали, чтобы то была за радостная вѣсть, которую *Буніосъ* намѣренъ намъ сообщить. Долго очень мы ждали въ передней, пока не ввели насъ въ присутственное мѣсто, гдѣ находились почти всѣ городскіе Чиновники, а напослѣдокъ вышелъ и *Буніосъ*. Занявъ свое мѣсто, спросилъ онъ насъ, здоровы ли мы (1), а потомъ спрашивалъ, действительно ли все то правда, что написали мы о своевольствѣ *Хвостова* и о томъ, что приходили мы къ ихъ берегамъ безъ всякихъ непріятельскихъ видовъ. Когда мы это подтвердили, то онъ произнесъ довольно длинную рѣчь, которую *Алексѣй* не въ силахъ былъ перевести какъ должно; но по обыкновенію своему пересказалъ намъ главное содержаніе оной; вошъ въ чемъ она состояла: прежде *Японцы* думали, что мы хотѣли грабить и жечь ихъ селенія; къ такому заключенію дали поводъ поступки *Хвостова* и другія обстоятельства, намъ уже извѣстныя; почему они насъ, заманивъ къ себѣ въ крѣпость, силою задержали съ намѣреніемъ узнать причину непріязненныхъ поступковъ *Россійнѣ*, которымъ *Японцы* никогда ни малѣйшаго зла не сдѣлали и ненамѣрены были дѣлать; теперь же, услышавъ отъ насъ, что нападенія на нихъ

(1) Надобно сказать, что онъ и прежде почти всякой разъ, при свиданіи съ нами, привѣтствовалъ насъ вопросомъ о состояніи нашего здоровья; а иногда еще сверхъ сего спрашивалъ, всели ли мы довольны, каково насъ содержаніе и не дѣлають ли намъ какихъ обидъ.

были учинены торговыми судами, непомню безъ воли Государя и Правительства *Россійскаго*, но даже безъ согласія хозяевъ шѣхъ судовъ; онъ (то есть Губернашоръ) всему этому вѣришь и насъ почитаетъ невинными, почему и рѣшился потчасъ снять съ насъ веревки и улучшить наше состояніе, сколько онъ въ правѣ сдѣлать; и если бы отъ него зависѣло дать намъ свободу и способы возвратиться въ *Россію*, то онъ, не медля нисколько, отпустилъ бы насъ; но мы должны знать, что *Матсмайскій Обунъю* не есть глава Государства, и что *Японія* имѣетъ Государя и высшее Правительство, отъ которыхъ, въ важныхъ случаяхъ, онъ долженъ ожидать повелѣній, почему и теперь безъ ихъ воли освободишь насъ не смѣешь; впрочемъ онъ насъ увѣряетъ, что съ его стороны будутъ употреблены всѣ способы, чтобы преклонить ихъ Правительство въ нашу пользу и убѣдить оное позволить намъ возвратиться въ свое отечество, и что на сей конецъ посылаетъ онъ въ столичный городъ *Эддо*, нарочно одного изъ первыхъ *Матсмайскихъ* Чиновниковъ съ нашимъ дѣломъ, которой будетъ стараться объ окончаніи оного съ желаемымъ успѣхомъ. Между шѣмъ советуешь намъ не предаваться отчаянію, молишься Богу (1) и ожидаешь съ спокойнымъ духомъ рѣшенія,

(1) Всякой разъ почти, утѣшая насъ, напоминалъ онъ намъ о Богѣ, что весьма для насъ было пріятно. Мы радовались, что по крайней мѣрѣ народъ, къ коему въ плѣнъ судьба угодна было насъ свергнуть, имѣетъ понятіе, и

Японскаго Государя. Когда *Алексѣй* кончилъ свое изъясненіе и *Японцы* увѣрились, что мы его поняли, тогда потчасъ велѣли караульнымъ снять съ насъ веревки и стали насъ поздравлять, какъ по наружности казалось, съ непритворною радостію, а двое изъ нихъ (1) такъ были симъ явленіемъ пронуты, что у нихъ слезы на глазахъ показались. Мы благодарили Губернатора и Чиновниковъ за доброе ихъ къ намъ расположеніе и за принимаемое ими участіе въ нашей судьбѣ. Послѣ сего онъ ошкланялся и вышелъ; тогда и насъ вывели изъ присущственнаго мѣста. Тутъ начали насъ поздравлять караульные наши и работники, и даже посторонніе люди, отъ большаго до малаго, которые пришли по любопытству насъ видѣть.

Возвращаясь въ свою темницу, нашли мы ее, къ крайнему нашему удивленію, совершенно въ другомъ видѣ. Непонятно, какъ скоро *Японцы* дѣлають все, что только захотятъ. Переднія рѣшетки у нашихъ клѣшкѣ были вынуты до основанія и клѣшки соединены съ переднимъ коридоромъ, во всю длину коего успѣли они настлать полъ изъ досокъ и покрыть его весьма чистыми новыми машами, такъ что онъ пред-

помянуть, что есть высшее существо, владыко всѣхъ языковъ, которому рано или поздно должны мы будемъ дать отчетъ въ своихъ дѣлахъ.

- (1) Первый по Губернаторъ Чиновникъ именемъ *Сутцъики-Дзинъи-и* и нашъ переводчикъ *Куиаджеро*.

спавлялъ длинный, довольно опрятный залъ, по коему мы могли прохаживаться всѣ вмѣстѣ. На очагахъ кругомъ сдѣлали обрубы, гдѣ поставили для каждаго изъ насъ по чайной чашкѣ, а на огнѣ стоялъ мѣдной чайникъ съ чаемъ (1); сверхъ того для каждаго было приготовлено по куришельной прубкѣ и по кошельку съ табакомъ; вмѣсто рыбьяго жиру горѣли свѣчи. Мы крайне удивились такой нечаянной и скорой перемѣнѣ. Лишь только мы пришли въ свое жилище, явились нѣкоторые изъ Чиновниковъ съ своими дѣтьми; они насъ поздравляли, сѣли вмѣстѣ съ нами къ огню, курили табакъ и разговаривали; словомъ сказать, теперь они обходились съ нами, не такъ какъ съ узниками, но какъ съ гостями. Ужинъ подали намъ не просто въ чашкахъ какъ прежде, но на подносахъ по *Японскому* обыкновенію. Посуда вся была новая, и для насъ проишь лучшаго разбора, нежели для прочихъ; кушанье же было для всѣхъ одинаково, только несравненно лучше прежняго, и *сагу* не разносили чашечками по порціямъ, какъ то прежде бывало, но поставили передъ нами, какъ у насъ ставится вино.

Такая чрезвычайная перемѣна насъ шѣмъ болѣе об-

- (1) У *Японцевъ* огонь съ очага и лѣтомъ и зимою не сходитъ ошъ ушра до вечера. Они безпрестанно сидѣтъ около него и курятъ табакъ, какъ мужчины, такъ и женщины; а на очагѣ всегда стоитъ чайникъ съ чаемъ; ибо чай есть обыкновенное ихъ питье для утоленія жажды; когда пѣтъ чаю, то пьютъ они теплую воду; холодной же воды никакъ пить не могутъ; они даже вино подогрѣтое предпочитаютъ холодному.

радовала, что возродила въ насъ большую надежду, увидѣшь еще свое отечество, и ночь сія была еще первая во все время нашего плѣна, въ которую мы спали довольно покойно.

На другой и на третій день мы также были очень покойны и веселы, счисляя возвращеніе свое въ *Россію* не только возможнымъ или вѣроятнымъ, но почти вѣрнымъ; однакожь радость наша не была продолжительна: новыя происшествія опять вселили въ насъ подозрѣніе въ искренности *Японцевъ*, и хотя изъясненная ими радость при перемѣнѣ нашего состоянія и поздравленія ихъ нимало не походили по наружности на прищворство; но мы разсуждали, что *Японцы* для собственныхъ своихъ выгодъ дорого цѣнятъ жизнь нашу, и пошому для сохраненія оной, имъ вѣсть ничего невозможнаго. Такой хитрый, пронырливый и шонкій народъ можетъ играть всякую ролю, какую захочетъ; и немудрено, что все видимое нами есть только комедія. Вѣсть что подало намъ причину сомнѣваться въ ихъ искренности, во первыхъ: содержаніе наше сполномъ они пошчасъ свели на прежнее, такъ что кромѣ пошуды ни въ чемъ не было никакой разности, и свѣчекъ намъ давали не спали, а употребляли рыбій жиръ. Важнѣе же всего было то, что сняшыя съ насъ веревки караульные наши принесли и опять повѣсили въ пошмѣ же мѣстѣ, гдѣ онѣ прежде обыкновенно висѣли. Впорове: еще до послѣдней перемѣны, мы слышали, что *Кунаширскій* Начальникъ, насъ обманувшій, помощникъ его и Чиновникъ, давшій намъ письмо на *Итурупъ*, при-

ѣхали въ *Матсмай*; но нынѣ *Бунёосъ* рѣшился призвать *Алексѣя* къ себѣ въ ихъ присутствіи и спрашивая его опять, какимъ образомъ *Курильцы* обманули *Японцевъ*, сказавъ будто они посланы *Русскими*, и точно ли это правда; причина же сему была та, что они объявили это сперва помянутымъ *Кунаширскимъ* Чиновникамъ. Изъ сего слѣдовало, что дѣло наше *Бунёосъ* не полагалъ совершенно конченнымъ; *Алексѣй* же, возвращаясь изъ замка, сказывалъ, что Губернаторъ спрашалъ его смертною казнію за перемѣну прежняго своего показанія; но *Алексѣй* былъ швердъ, сказалъ, что смерти онъ не боится и готовъ умереть за правду, почему Губернаторъ, обратя угрозы свои въ шутку, совѣтовалъ ему быть покойнымъ и не думать о томъ, что онъ говорилъ; съ тѣмъ и отпустилъ *Алексѣя*, сказавъ, что чрезъ нѣсколько времени опять его призовутъ. Третіе: *Кумад-жиро* привелъ къ намъ молодого человѣка лѣтъ 25 по имени *Мураками-Теске*, и сказалъ, что *Бунёосу* угодно, дабы мы учили его по *Руски*; для того, чтобы они вмѣстѣ могли повѣрить переводъ нашего дѣла, котораго теперь *Японское* Правительство не можетъ признать дѣйствительнымъ, потому что переводилъ одинъ переводчикъ, а не два; но когда мы спросили, что же значило объявленіе *Бунёоса*, что онъ показанію нашему вѣритъ и въ слѣдствіе того облегчаетъ нашу участь и обѣщаетъ доставить намъ свободу; то онъ отвѣчалъ, что *Бунёосъ* объявилъ собственныя свои мысли, но для Правительства нужно, чтобы оз-

натенная бумага была переведена двумя переводчиками. Мы этимъ предложеніемъ чрезвычайно были пронуны, и полагая навѣрное, что тушь непременно кроется обманъ, сказали прямо переводчику съ досадою: „мы видимъ, что *Японы* насъ обманываютъ, и опустивъ не намѣрены, но хотѣвъ только сдѣлать изъ насъ учители; а мы ихъ увѣряемъ, что они ошибаются; мы готовы лишиться жизни, а учить ихъ не спашемъ; если бы мы увѣрены были, что *Японы* намѣрены почто возвращить насъ въ *Росцію*; то день и ночь до самаго времени нашего отъѣзда, спали бы ихъ учить всему, что мы сами знаемъ, но теперь видя обманъ, не хотимъ.“ *Буладжеро* смѣялся и увѣрялъ насъ, что тушь нѣтъ нимаалѣйшаго обмана, и что мы такъ мыслимъ по незнацію *Японскихъ* законовъ. Наконецъ Гг. *Муръ* и *Хлббниковъ*, и я сдѣлали между собою совѣтъ, какъ намъ поступить: учить новаго переводчика или нѣтъ, и по нѣкоторомъ разсужденіи, согласились учить понемногу до весны; а тамъ увидимъ, рѣшатся ли *Японы* насъ опустивъ.

Сіе происшествіе повергло насъ вновь въ мучительную неизвѣстность. Между тѣмъ *Алексѣя* опять водили къ *Бунносцу*, и по возвращеніи его, на вопросы наши, о чемъ его спрашивали, онъ отвѣчалъ сухо: о томъ же, о чемъ и прежде; такъ что мы боялись, не опроверя ли онъ отъ послѣдняго своего объявленія и не сказалъ ли, что мы его научили это говорить.

Новой переводчикъ *Теске*, получивъ наше согласіе на обученіе его *Рускому* языку, не замѣдливъ явившись

къ намъ съ ящикомъ, наполненнымъ разными бумагами, въ которомъ находились прежніе словари, составленные *Японцами* бывшими въ *Россіи* и пешради, заключающія въ себѣ свѣденія, которыя они сообщили своему Правительству о *Россіи* и обо всемъ ими видѣнномъ въ своего Государства. Въсплѣ съ *Теске* стали къ намъ ходить также лекарь *Того* и *Кумаджеро*. Послѣдній объявилъ намъ желаніе *Бунносэ*, чтобы сверхъ ученія *Русскаго* языка, сообщали мы *Теске* статистическое описаніе *Россіи* и другихъ *Европейскихъ* Государствъ; за что *Японцы* будущъ намъ весьма благодарны. Усмащривая, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ изъ сего можеть бытъ непомко собственно для насъ, но и для *Россіи* нѣкоторая польза, когда мы сообщимъ *Японцамъ* то, что намъ нужно было довести до ихъ свѣденія, мы охотно на это согласились, но въ предосторожность, чтобы они слишкомъ намъ не докучали спросами своими о разныхъ мѣлочахъ или о томъ, чего имъ знашь недолжно, сказали мы, что они не могушъ надѣяться получить всѣ свѣденія, которыя захотѣли бы имѣшь о *Россіи* отъ людей, почти всю жизнь свою проведшихъ на морѣ и не имѣвшихъ случая многое видѣшь и узнашь (1). *Японцы* на это отвѣчали намъ учтивымъ образомъ, что они и шѣмъ будущъ довольны, что мы въ состояніи будемъ имъ сообщить.

(1) Въ числѣ присланныхъ къ намъ книгъ было *Англійское* сочиненіе *Г. Тука: Обзоріе Россійской Имперіи*, гдѣ все то заключалось касательно *Россіи*, что *Японцамъ* хотѣлось знать, но мы не сказали имъ подлиннаго содер-

Теске въ первый день, такъ сказать, своего урока, показалъ намъ необыкновенныя свои способности: онъ имѣлъ столь обширную память и такое чрезвычайное пониманіе и способность выговаривать *Русскіа* слова, что мы должны были сомнѣваться, не знаетъ ли онъ *Русскаго* языка и не притворяется ли съ намѣреніемъ; по крайней мѣрѣ думали мы, долженъ бытъ ему извѣстенъ какой нибудь *Европейскій* языкъ. Онъ прежде еще училъ наизусть много нашихъ словъ ошъ *Кумаджеро*, только произносилъ ихъ не такъ; причиною сему былъ дурной выговоръ училеля; но онъ въ первый разъ примѣшилъ, что *Кумаджеро* не такъ произносилъ, какъ мы, и тотчасъ попалъ на нашъ выговоръ, что заставило его съ самаго начала повѣрить собранный *Кумаджеролиб* словарь, въ которомъ надъ каждымъ словомъ ставилъ онъ свои примѣшны для означенія нашего выговора.

Ученики наши ходили къ намъ почти всякой день и были у насъ съ ушра до вечера, уходя только на короткое время обѣдать, а въ дурную погоду и обѣдъ ихъ приносили къ нимъ въ нашу тюрьму (1). *Теске* весьма

жанія сей книги, опасаясь, чтобы не стали они при-
нуждать насъ переводить оную, а также и по другимъ
причинамъ.

- (1) *Японцы* между мѣстомъ нашего заключенія и настоящаго
тюрьмоу дѣлали различіе: первое называли они *Оксио*,
а послѣднею *Ро*; разность же, по словамъ ихъ, состояла
въ томъ, что въ тюрьмѣ нѣтъ огня, не даютъ ни чаю,
ни шабаку, ни *саги*, (которую нынѣ стали намъ давать

скоро выучился по *Руски* чипать, и начал потчасть записывать слова отъ насъ слышанныя въ свой словарь, *Рускими* буквами по алфавиту, чего *Куаджеру* никогда въ голову не приходило. *Теске* выучивалъ въ одинъ день то, чего *Куаджеро* въ двѣ недѣли не могъ узнать. Обиравъ отъ насъ и записывая рачительно на своемъ языкѣ свѣденія о *Россіи* и о другихъ *Европейскихъ* земляхъ, не упускалъ онъ изъ виду и словъ нашихъ, при объясненіи встрѣчавшихся, вноситъ въ лексиконъ съ своими замѣчаніями. *Теске* спрашивалъ насъ по описаніямъ *Японцевъ*, бывшихъ въ *Россіи*, такъ ли это, правда ли то и то; а изъ сего выходили случаи, которые подавали ему поводъ къ новымъ вопросамъ, и часно дѣлалъ онъ намъ вопросы отъ себя. Теперь уже и намъ позволено было имѣть чернилицу и бумагу въ своемъ распоряженіи, и писать, что хотимъ; почему и спали мы собирать *Японскія* слова, но замѣчанія наши записывать мы опасались, подозрѣвая, что *Японцы* вздумаютъ современемъ опинять наши бумаги.

Черезъ нѣсколько дней знакомства нашего съ *Теске*, привелъ онъ къ намъ своего брата, мальчика лѣтъ

черезъ 4 или 5 дней по двѣ чайныя чашки); а также и кормить гораздо хуже, и даже кашу даютъ порціями; впрочемъ образъ строенія и строгость караула одинаковы. Мы сначала думали, что *Оксіо* значить мѣсто для содержанія плѣнныхъ; но послѣ узнали, что въ извѣстныхъ случаяхъ они и своихъ людей въ такихъ мѣстахъ содержатъ. И такъ по всему можно назвать сіе мѣсто *торговою высшей степени*.

четырнадцать и сказалъ: Губернатору угодно, чтобъ
 мы его учили по *Руски*. „Мало ли что угодно вашему
 Губернатору, оштрафовали мы съ досадою, но не все то
 расположены мы дѣлать, что ему угодно; мы вамъ ска-
 зали прежде уже, что лучше лишимся жизни, нежели
 останемся въ *Японіи* въ какомъ бы то ни было состо-
 яніи, а учителями бытъ и очень не хотимъ; теперь же
 мы видимъ довольно ясно, къ чему клонятся всѣ ваши
 ласки и увѣренія. Одного переводчика, по словамъ ва-
 шимъ, было недостаточно для переводу нашего дѣла;
 нуженъ былъ другой; этого законъ вашъ требовалъ,
 какъ вы насъ увѣряли; мы согласились учить другого,
 а спустя нѣсколько дней являющагося мальчикъ, чтобы
 его учить; такимъ образомъ въ короткое время на-
 берется цѣлая школа; но этому никогда не бываеъ:
 мы не станемъ учить; насъ здѣсь мало и мы безо-
 ружны, вы можете насъ убить, но учить мы не хотимъ.“
 Сен нашъ отъѣхавъ чрезвычайно раздражилъ *Теске*. Онъ,
 бывъ вспыльчиваго нрава, вмигъ разгорячился, заговорилъ,
 прошивъ *Японскаго* обычая, очень громко и съ угроза-
 ми, спрашая насъ, что мы принуждены будемъ учить
 прошивъ нашей воли, и что мы должны все то дѣлать,
 что намъ велятъ; а мы также съ гнѣвомъ опровергали
 его мнѣніе и увѣряли, что никто въ свѣтѣ надъ нами
 не имѣетъ власти кромѣ *Рускаго* Государя; умерш-
 вить насъ легко, но принудить къ чему либо прошивъ
 нашей воли, невозможно. Такимъ образомъ мы побра-
 нились не на шутку и принудили его оставить насъ
 съ досадою и почти въ бѣшенствѣ. Мы ожидали, не

произведетъ ли ссора сія какихъ нибудь непріятныхъ для насъ послѣдствій; однакожь ничего не случилось. На другой день *Теске* явился къ намъ съ веселымъ видомъ, извинялся въ томъ, что онъ наканунѣ слишкомъ разгорячился и неосторожностію своею насъ оскорбилъ, чему причиною поставлялъ онъ отъ природы свойственный ему вспыльчивый характеръ и просилъ чшобы, позабывъ все прошедшее, мы были съ нимъ опять друзьями. Мы, съ своей стороны, также сдѣлали ему учтивое извиненіе, шѣмъ и помирились. Онъ и въ сей разъ привелъ къ намъ своего брата, но не съ шѣмъ, чшобъ братъ у насъ урокъ, а какъ гостя; однакожь послѣ дня черезъ два опять напоминалъ, что *Губернашоръ* желаетъ сдѣлать изъ него *Рускаго* переводчика, и хорошо было бы, если бы мы спали его учить. Онъ говорилъ это подъ видомъ шушки, и мы отвѣчали ему шуя, что если *Японцы* помирятся съ *Россією* и будутъ намъ друзьями, то брата его и нѣсколько еще мальчиковъ, мы можемъ взять въ *Россію*, гдѣ они не только *Рускому* языку, но и многому другому полезному для нихъ научатся, а если они не хотятъ съ нами жить въ дружбѣ, то и мы учить его не хотимъ, да и ему зачѣмъ по пустому голову ломать? Послѣ сего онъ уже никогда не напоминалъ намъ о ученіи его брата.

Между шѣмъ, искренны ли увѣренія *Буніоса* были, когда онъ облегчилъ нашу участь, мы тогда не знали точно, но видѣли, что верховное *Японское* Правительствво неслишкомъ было расположено намъ вѣрши.

Члены онаго даже сомнѣвались въ справедливости сдѣланнаго нами перевода письму оставленному офицерами *Дианы*; а чтобы повѣрить точность онаго и не обманули ли мы ихъ, они употребили слѣдующее забавное средство: въ шестради, раздѣленной на четыре столбца, помѣстили въ одномъ изъ оныхъ по алфавиту всѣ слова заключающіяся въ помянутомъ письмѣ, кромѣ тѣхъ только, которыхъ значеніе они сами могли понять, какъ то: мое имя, слово *Японцы* и имена подписавшихся офицеровъ; на концѣ было подписано: *Тигръ дорноте, а потомъ: знакъ васъ Англія, Франція или Голландія писать И. Голдъ*. Первой изъ сихъ подписей мы не могли понять, но немудрено было угадать, что послѣдняя значила: *Японцы* хотѣли, чтобы въ порожнихъ столбцахъ выставили мы прошивъ cadaго слова, на *Англійскомъ, Французскомъ и Голландскомъ* языкахъ, значенія онаго; но что значилъ *И. Голдъ*, мы не понимали. Они намъ сказали, что шестрадь сія прислана къ нимъ изъ столичнаго города, но изъ какой бумаги выбраны находящіеся въ ней слова, и кто оную составлялъ имъ неизвѣстно, но думаютъ, что писалъ оную какой нибудь *Японецъ* знающій *Голландскій* языкъ. Примѣшивъ сей забавной обманъ, мы и сами пришворились, что не понимаемъ, изъ какой бумаги могли бы слова сіи быть выбраны, и что смыслу имъ никакъ дать не можемъ, а особливо потому, что много естъ шумъ словъ, которыхъ нѣтъ въ *Рускомъ* языкѣ; подъ симъ мы разумѣли нѣкоторыя слова, которыя начинаются съ буквы *С*, но написаны въ сдѣланномъ

Японцами словарь подъ буквою *Е*, напримѣръ, *Есекунду* (секунду), *Ередство* (средство) и проч. впрочемъ надобно было полагать, по числотѣ письма, и по правильности почерпка, что составляяль оной какою нибудь *Европеецѣ*, неразумѣющій однакожь нимаю *Русскаго* языка (1), потому, что кромѣ выше помянутой ошибки, и слова онъ спавилъ почно въ томъ же числѣ и падежѣ, какъ въ письмѣ онъ находились; а въ другихъ, вмѣсто *Н* писалъ *К*, и тому подобное. Но удовольстворивъ требованію *Японцевѣ* мы отказались, объявивъ имъ, что по всей вѣроятности мы имѣемъ причину думать, что если написаны нами будущъ иностранныя слова, соотвѣствующія тѣмъ, которыхъ находясь въ шешради, то смыслъ онымъ послѣ спанушъ давашь *Голландскіе* переводчики, которые, какъ извѣстно, не доброжелательствуютъ *Рускиѣ*, доказательствомъ чему служишь собственное ихъ признаніе, что они много пособили произвести ссору между *Японцами* и *Резановыми*; а потому мы боимся, что они и эту бумагу перешолкуютъ на свой ладъ къ нашему вреду; но если они покажутъ намъ оную всю, такъ какъ она написана, а не порознь слова, то мы переведемъ ее охотно. *Японцы* шотчасъ къ намъ привяза-

-
- (1) Послѣ уже спушя нѣсколько времени, сказывалъ намъ *Теске*, что писалъ сію бумагу одинъ *Голландецѣ* по имени *Лакслианѣ*, согласившійся добровольно за большую плату никогда не выѣзжать изъ *Японіи*. Онъ живетъ въ *Японской* столицѣ *Эддо* и занимается астрономическими наблюденіями и сочиненіемъ картъ.

лись и спрашивали, какимъ образомъ *Голландскіе* переводчики могли участвовашъ въ ссорѣ между ими и *Резановымъ*. Тутъ мы имъ рассказали о письмѣ, перехваченномъ на кораблѣ *Англичанами*, въ коемъ *Голландцы* сами признаются, что успѣли внушить *Японцамъ* ненависть къ *Рускимъ*, которыхъ оправили они съ такимъ отвѣтомъ, что *Рускіе* не пожелають болѣе приходивъ въ *Японію* (1). На вопросъ ихъ, зачѣмъ прежде мы не открыли имъ объ этомъ обстоятельстве, отвѣчали мы, что намъ сомнительно было, повѣрять ли

-
- (1) Когда мы со шлюпомъ *Дианою* находились въ *Портсмутѣ*, тамъ былъ тогда агентъ или повѣренный по дѣламъ призовъ, именемъ *Броунъ*, съ которымъ мы познакомились. Однажды услышавъ онъ *Г. Рикорда*, что *Резановъ* умеръ, сказалъ онъ: это къ лучшему для него, иначе какъ бы спалъ онъ терзаться, допустивъ *Голландцевъ* обмануть себя. На вопросъ *Г. Рикорда*, изъяснили онъ мысли свои такимъ образомъ: однажды привели въ *Портсмутъ* цѣнное *Голландское* судно, шедшее изъ *Батавіи* въ *Амстердамъ*, и бумаги на ономъ взятныя доставили по обыкновенію къ нему; въ числѣ ихъ находилось письмо Секретаря *Батавскаго* Совѣща къ *Голландскому* Правительству, коимъ, съ отношеніи *Голландцевъ*, живущихъ въ *Нагасаки*, онъ доноситъ о посольствѣ *Г. Резанова* и между прочимъ упоминаешь, что переводчикамъ ихъ удалось дѣло это хорошо кончить и склонить *Японцевъ* на такое мнѣніе о *Россіи*, что они выслали *Резанова*, давъ ему отвѣтъ, который вѣроятно опутитъ *Рускихъ* ходивъ въ *Японію*. По приходѣ нашемъ въ *Калитатку*, я донесъ о семъ случаѣ Правительству, и извѣстилъ комиссіонера *Россійской Американской компаніи*.

Японцы этому. Припомъ же мы думали, что они, употребляя своихъ переводчиковъ, не хощахъ вѣшивашъ въ это дѣло *Голландцевъ*; но коль скоро мы видимъ, что теперь дѣло до нихъ доходитъ, то ошнюдъ не хощимъ дать имъ способа въ другой разъ сдѣлать зло и *Японца* и намъ. Тогда мы рассказали имъ нѣкоторые весьма справедливые анекдоты о поступкахъ *Восточно-Индійской* и *Западно-Индійской* компаніяхъ сего народа; и сколь онѣ *гестны* бывають, когда дѣло дойдетъ до торговли; во всемъ этомъ сослались мы на бывшую у насъ *Англійскую* книгу, въ копорой дѣянія сихъ обществъ описаны довольно подробно. Послѣ сего *Японцы* не спали уже принуждавъ насъ къ употребленію въ семъ дѣлѣ иностранныхъ языковъ, а просили изъяснить имъ хорошенько значеніе каждаго слова съ тѣмъ, чтобы они могли выславить въ пустыхъ столбцахъ, вмѣсто иностранныхъ, слова *Японскія* имъ равнозначія. Мы на сіе согласились. Работа эта, продолжавшаяся нѣсколько дней, споила много труда *Японски* Чиновникамъ, а намъ причинила безпокойство и досаду. По окончаніи оной взялись они за бумагу *Хвостова*, копорую также надлежало переводить.

Между тѣмъ сказано намъ было, что отправляемый съ нашимъ дѣломъ въ столицу Чиновникъ собирается въ дорогу, и что съ нимъ *Бунносъ* посылаетъ на показъ къ Императору своему, по одной изъ каждаго сорта нашихъ вещей, въ томъ числѣ хочетъ послать нѣсколько книгъ; но какъ онъ намѣренъ позволять намъ ошъ скуки чашать наши книги, то и велѣлъ намъ

опобратъ, которыя желаемъ мы оставить у себя; для чего переводчики и ящичъ нашъ съ книгами къ намъ принесли. Выбравъ нѣсколько книгъ, мы ихъ опложили въ спорону, въ надеждѣ, что *Японцы* хотябъ оставишь ихъ у насъ, но не такъ случилось: они только ихъ раздѣлили и положили свои знаки, а съ какимъ дѣйствительно намѣреніемъ мы не знали; впрочемъ унесли ящичъ назадъ, не оставя у насъ ни одной книги. При разборѣ книгъ случилось одно происшествіе, которое привело насъ въ большое замѣшательство, и причинило намъ великое безпокойство: *Куладжеро*, перевертывая листы въ одной изъ нихъ, нашелъ между ими красной листокъ бумажки, на которомъ было напечатано что-то по *Японски*; такіе билетцы они привизываютъ къ своимъ поварамъ; и я вспомнилъ, что принесъ его ко мнѣ на показъ въ *Каитаткѣ* одинъ изъ нашихъ офицеровъ, и послѣ онъ остался у меня въ книгѣ вмѣсто закладки (1). *Куладжеро*, прочитавъ листокъ, спросилъ, какой онъ, откуда и какъ попалъ въ мою книгу. На вопросы его я сказалъ: думаю, что листокъ этотъ *Китайскій*; получилъ же я его, не помню какимъ образомъ, въ *Каитаткѣ* и употреблялъ въ книгѣ вмѣсто закладки. Да такъ, *Китайскій*, сказалъ онъ, и шотчасъ спряхалъ его. Теперь мы стали опасаться, чтобъ не вышло новаго слѣдствія и *Японцы* не

(1) Это былъ ярлыкъ съ *Японскихъ* вещей, которыя взявши *Хаостовылъ* на *Итурупѣ* и привезены въ *Каитатку*.

сочли бы насъ участниками въ нападеніяхъ *Хвостова*. Боже мой! думалъ я, возможно ли быть такому спеченію обстоятельствъ, что даже самыя ничего незначащія бездѣлицы, въ другихъ случаяхъ незаслуживающія никакого вниманія, теперь клонятся къ тому, чтобы запустать насъ болѣе и болѣе, и при томъ въ глазахъ такого оспорожнаго, боязливаго и недоувѣрчиваго народа, который всякую малость взвѣшиваетъ и беретъ на замѣчаніе! Надобно же было такъ случиться, чтобы я чиналъ тогда книгу, когда листокъ сей ко мнѣ былъ принесенъ, чтобы понадобилась мнѣ въ то время закладка, и наконецъ, чтобы книга сія находилась въ томъ изъ семи или осьми ящичковъ, которой поварищамъ нашимъ разсудилось къ намъ послать! Мы часно говорили между собою, что и писатель романовъ, едва ли могъ бы прибрать и соединить столько несчастныхъ для своихъ лицъ приключеній, сколько въ самомъ дѣлѣ, надъ нами совершается; почему иногда шутили надъ *Г. Муроидъ*, которой былъ моложе насъ, а при томъ человекъ видный, смѣлый и красивый собою, совѣтуя ему постараться вскружить голову какой нибудь знашной *Японкѣ*, чтобы посредствомъ ея помощи уйти намъ изъ *Японіи* и ее склонить бѣжать съ собою. Тогда наши приключенія были бы совершенно уже романическія; теперь же не достаетъ только женскихъ ролей.

Передъ отправленіемъ назначеннаго ѣхать въ столицу Чиновника, приводили насъ къ *Бунносу*. Онъ желалъ, чтобы ему Чиновнику показали мы, какимъ

образомъ *Европейцы* носятъ свои шпаги и шляпы, почему оныя и велѣлъ принесть. Любопытство ихъ и желаніе знать всякую бездѣлицу до того простиралось, что они насъ спрашивали, что значить если офицеръ надѣнетъ шляпу вдоль (1), всѣ ли ихъ носятъ поперекъ, и всегда ли угломъ впередъ или иногда назадъ. Они удивлялись и казалось не вѣрили намъ, когда мы имъ сказали, что въ спрѣю для виду и порядка, офицеры носятъ такимъ образомъ шляпы, впрочемъ кпо какъ хочешь, а въ чинахъ и въ достоинствѣ это никакой разности не показывается. Послѣ сего дошло дѣло до машрозовъ, какимъ образомъ они носятъ свои шляпы (2). Наконецъ послѣ всего

(1) То есть, по военному скажешь, *споля*.

(2) Говоря о шляпахъ, я долженъ разсказать здѣсь одно странное происшествіе: Когда *Японцы* насъ брали въ *Кунаширъ*, то у нѣкоторыхъ изъ нашихъ машрозовъ упали шляпы съ головы, и *Японцы* изрубили оныя въ разпыхъ мѣстахъ саблями; а въ *Матсмаѣ*, когда мы содержались еще въ клѣшкахъ, они хотѣли, чтобы машрозы ихъ зашили; но тѣ говорили, что безъ шила и безъ ножницъ этого сдѣлать нельзя, что впрочемъ шутить ничего мудренаго, и *Японцы* сами могутъ зашить; но они непремѣнно хотѣли, чтобы *Рускіе* зашили ихъ; почему хотя прежде иголокъ намъ въ руки не давали, но теперь рѣшились дать и шило и ножницы. *Японцы*, искусные во всѣхъ рукодѣліяхъ, могли бы зашить шляпы лучше нашихъ машрозовъ, но мы полагаемъ, сдѣлали это для того, чтобы въ столицѣ сказать, если спросятъ, почему шляпы перерѣзаны и зашиты, что *Рускіе* сами это сдѣлали, не сказывая впрочемъ, когда и по какой причинѣ, ибо въ противномъ случаѣ, солдаты ихъ

Губернаторъ сказалъ, что живущимъ въ столицѣ любопытно будетъ видѣть ростъ такихъ высокихъ людей, какъ *Рускіе*, и что ему желательно было бы снять съ насъ мѣру (1), почему насъ всѣхъ тогда же съ величайшею точностію смѣрили и ростъ нашъ записали; но этого было еще мало для любопытства *Японцевъ*: они хотѣли послать наши портреты въ столицу и поручили снять ихъ *Теске*, о коемъ до сего времени мы и не знали, что онъ живописецъ. *Теске* нарисовалъ наши портреты тушью, но такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ годился для всѣхъ насъ: кромѣ длинныхъ нашихъ бородъ, не было тушъ ничего похожего ни на одного изъ насъ; однакожъ *Японцы* отправили сіи рисунки въ столицу, и вѣрно ихъ тамъ приняли и поставили въ картинную галлерей, какъ портреты бывшихъ въ плѣну у нихъ *Рускихъ*. Дня за два до своего отъѣзда, Чиновникъ, отправлявшійся въ столицу, приходилъ къ намъ (2), сказавъ, что пришелъ съ нами проститься и посмотреть, каково

за храбрость, оказанную надъ шляпами, могли бы под-
вергнувшись взысканію. Послѣ мы уже имѣли средства
узнать, сколь тонки и оборотливы *Японцы* въ такихъ
дѣлахъ.

- (1) Мы прое въ *Европѣ* считались бы средняго роста; но между *Японцами* были великанами; мастрозы же наши и въ гвардіи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, были бы изъ первыхъ, и такъ, какими исполинами они должны были казаться *Японцамъ*?
- (2) Это было еще въ первый разъ, что Чиновникъ сего ранга сдѣлалъ намъ посѣщеніе: чинъ его называется *Гин-*

мы живемъ, дабы могъ онъ о содержаніи нашемъ дашъ отчетъ своему Правительству; приномъ увѣрялъ онъ насъ, что будетъ всѣми мѣрами стараться дославить нашему дѣлу самое щасливое окончаніе, и пожелавъ намъ здоровья, насъ оставилъ. Изъ *Матслая* же поѣхалъ онъ въ исходѣ Декабря мѣсяца, взявъ съ собою бывшего *Кунаширскаго* Начальника, помощника его, Чиновника даваго намъ письмо на *Итирунѣ*, переводчиковъ *Курильскаго* языка, употребленныхъ при нашихъ съ ними переговорахъ, и нѣсколько изъ здѣшнихъ Чиновниковъ.

По отъѣздѣ ихъ мы думали имѣть покой, но ожиданіе наше было тщетно; чѣмъ болѣе *Теске* успивалъ въ нашемъ языкѣ, тѣмъ болѣе намъ было трудовъ; впрочемъ онъ намъ казался человѣкомъ добрымъ, открытымъ; многое мы отъ него узнали, чего *Кумаджеро* никогда бы намъ не сказалъ, да и ему иногда препяспивовалъ рассказывать о нѣкоторыхъ вещахъ (1); вообще казалось, что *Теске* былъ расположенъ къ

милу, а должность Губернаторскаго Совѣтника, которыхъ здѣшній Губернаторъ имѣетъ пяты; двое изъ нихъ живутъ въ столицѣ для отдохновенія, двое находятся при немъ и одинъ начальствуетъ въ *Хакодаде*. Сии должности отправляютъ они поочереди, перемѣняясь погодно между собою и съ тѣми, которые живутъ въ столицѣ.

- (1) Однажды *Теске* хотѣлъ намъ рассказать нѣчто о живущемъ у нихъ въ столицѣ *Голландцѣ Лаксианѣ*, но *Кумаджеро* потчасъ что-то проворчалъ сквозь зубы, и *Теске* замолчалъ.

намъ лучше всѣхъ *Японцевъ*; онъ рѣдко приходилъ безъ какого нибудь гостинца, да и Губернаторъ спалъ еще снисходительнѣе къ намъ: причиною сему также былъ *Теске*. Теперь мы узнали, что онъ отправлялъ у него должность Секретаря и былъ въ большой довѣренности, которую употребилъ въ нашу пользу и внушилъ ему самое выгодное о насъ мнѣніе, не смотря на то, что мы съ нимъ часенько ссорились. Причиною нашихъ ссорамъ было не другое что, какъ несносное его любопытство, которымъ онъ докучалъ намъ ужаснымъ образомъ. *Японцы* намъ нѣсколько разъ говорили, что они ничего вдругъ не дѣлаютъ, а все по немногу, и на самомъ дѣлѣ подтверждали это: мы думали, что переводамъ нашимъ конецъ, но нѣтъ! *Теске* и *Кумаджеро* однажды принесли къ намъ написанную на *Японской* бумагѣ слѣдующую надпись: „Здѣсь былъ Россійскій фрегатъ *Юнона* и назвалъ здѣшнее селеніе, селеніе сомнѣніа.“ Они сказали, что *Хвостовъ* въ одномъ ихъ селеніи, прибилъ на стѣну мѣдную доску съ сею надписью, которой теперь нужно имѣть имъ переводъ. Тутъ встрѣшилось новое затрудненіе: что такое сомнѣніе, что значитъ селеніе сомнѣніа, въ чемъ состояло это сомнѣніе и почему селеніе такъ названо. Впервые: *Японцы* скоро поняли настоящій смыслъ слова сомнѣніе, а вторыхъ: и понявъ оной, сами еще сомнѣвались, такъ ли они понимаютъ; ибо, по ихъ мнѣнію, никакъ нельзя употребить слова сего въ такомъ видѣ и съ такою надписью; мы же съ нашей стороны и сами, не разумѣя, что *Хвостовъ* хотѣлъ

выразить словами: *селеніе сомнѣніа*, не могли никакъ *Японцамъ* изъяснить надлежащимъ образомъ надпись. Когда же мы ихъ увѣрили, что ни одинъ *Рускій* не понялъ бы подлинныхъ мыслей сочинителя сей надписи, почему онъ далъ такое имя селенію, то они повидимому сомнѣвались и думали не обманываемъ ли мы ихъ, желая угадать смыслъ, заключающійся въ ней, который можеть быть, для насъ предосудителенъ. Надпись сія дня два или три насъ занимала; но и по окончаніи перевода *Японцы* остались въ подозрѣніи, что шутъ употреблена нами хитрость, и что мы конечно скрыли что нибудь для нихъ важное. Пошомъ явилась къ намъ для перевода *эпитафіа*, вырѣзанная штурманомъ *Ловцовымъ* подлѣ мѣстечка *Нелуро* на деревѣ, подлѣ копорымъ похоронено шѣло умершаго отъ цыгги команды его маэроза во время зимованія въ томъ мѣстѣ *Лаксмана*; это дѣло кончано было въ часъ, пошому что *Японцы* безъ сомнѣнія, имѣя уже переводъ отъ самаго *Лаксмана*, шотчасъ увидѣли сходство съ нашимъ и успокоились. *Японцы* какъ будто нарочно хотѣли заниматься насъ безпреспапно переводами, чтобъ имѣть случай учиться *Рускому* языку, но болѣе кажется происходило сіе отъ любопытства и недовѣрчивости; напримѣръ: показывали они намъ копію съ граматы, привезенной *Резановымъ* отъ нашего Государя къ *Японскому*; содержаніе оной конечно должно быть имъ извѣстно отъ слова до слова; но они хотѣли, чтобъ мы ее перевели для нихъ. При семъ случаѣ мы спрашивали у нихъ о насъ стоящемъ шшулѣ ихъ Императора, но они отвѣчали

только, что онъ весьма длиненъ и помнись его трудно, а никогда не сказывали намъ. Равнымъ образомъ шайли они отъ насъ и имя Государское, хотя прямо и не отговаривались сказать оное, но въ они на наши вопросы, порознь сказывали разныя имена; это уже и значило, что подлинное его имя они скрывали. Мы только узнали, что по *Японскому* закону, никто изъ подданныхъ не можеть носить того имени (1), которое имѣеть царствующій Государь, почему при самомъ вступленіи на Престолъ Наслѣдника, всѣ тѣ, которые

- (1) У *Японцевъ* есть фамильныя имена и собственныя, только фамильное имя они спавятъ прежде, а собственное послѣ; напримѣръ: *Вехара* есть фамилія, а *Куладжеро* собственное имя; говорятъ же и пишутъ *Вехара Куладжеро*; при разговорахъ весьма рѣдко употребляютъ оба сіи имени; но одно какое нибудь, какъ въ фамилярномъ разговорѣ, такъ и говоря съ почтеніемъ, съ тою только разностію, что въ послѣднемъ случаѣ употребляютъ слово *сама*, соотвѣствующее нашему *Господинъ* или *сударь*, которое придается и къ фамиліи и къ имени безъ разбора, но всегда спавившись послѣ; напримѣръ: *Вехара сама*, *Теске сама* и проч. Сіе слово *сама* весьма много значить у *Японцевъ*, оное можно сравнить съ нашими словами: *Господь*, *Владыко*, *Господинъ*; напримѣръ: *Теито сама*, значить Небесной Владыко или Богъ; *Киубо сама*, *Японскій Гражданскій Государь*; *Кинъ-рей-сама*, *Японскій Духовной Государь* (*Кинъ-рей* имя его дома); *Обунъ-сама*, *Губернаторъ*, но къ другимъ чинамъ *сама* не прибавляютъ, напримѣръ, не говорятъ: *Гинъ-игоу-сама* и проч. Надобно знать, что выговоръ сего слова одинаковъ во всѣхъ вышепрписанныхъ случаяхъ; но пишется оное вездѣ различнымъ образомъ.

имѣють одно съ нимъ имя, перемѣняютъ оное. Въ сей грамахъ были прописаны всѣ подарки, посланные отъ нашего Двора къ *Японскому* Императору. Мы знали изъ путешествія Капитана *Крузенштерна*, что *Японцы* ихъ видѣли, но переводчики наши сначала хотѣли, чтобы мы имъ объяснили, что это за вещи, а потомъ уже признались, что они всѣмъ имъ имѣють у себя, подробное описаніе, въ которомъ означены не только величина и свойство каждой вещи, но также, когда и гдѣ оныя дѣланы; описаніе сіе они намъ показывали и нѣкоторыя мѣста изъ него переводили. Здѣсь надобно замѣшить, сколь умны и тонки *Японцы*: когда они хотѣли о чемъ нибудь узнать и стануть спрашивать, то прищваряются, что объ этомъ дѣлѣ не имѣють ни малѣйшаго понятія, и какъ будто въ первый разъ въ жизни слышатъ объ немъ; а когда распроешь все, что имъ нужно было вывѣдать, тогда уже откроють, что сіе дѣло *Японцамъ* безъизвѣстно.

Кромѣ *Русскихъ* бумагъ, съ коихъ *Японцы* желали имѣть переводы, *Теске* и *Кумаджеро* приносили къ намъ множество разныхъ вещей и нѣсколько *Японскихъ* переводовъ съ *Европейскихъ* книгъ, на которыя хотѣлось имъ получить отъ насъ изъясненіе или знаніе наше мнѣніе, а болѣе, я думаю, желали они повѣрить точность переводовъ, чему причиною была обыкновенная ихъ подозрительность. Между прочими вещами показывали они намъ *Китайской* работы картину, представляющую видъ *Кантона*, гдѣ надъ факторіями разныхъ *Европейскихъ* народовъ, изображены были ихъ

флаги. *Японцы* спрашивали насъ, почему нѣтъ тушь *Рускаго* флага, а узнавъ причину, хотѣли знать, какимъ же образомъ намѣрены мы были идти въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ нашихъ купцовъ; они крайне удивились и почти не вѣрили, когда мы имъ сказали, что въ подобныхъ случаяхъ *Европейцы* всѣ другъ другу помогаютъ, къ какому бы Государству они ни принадлежали. Еще *Теске* показалъ намъ чертежъ чугунной 18 фунтовой пушки, вылитой въ *Голландіи*. Честнолюбіе заставило его похвастать и сказать намъ, что пушку эту задвѣсти лѣтъ предъ симъ, въ послѣдней ихъ войнѣ съ *Корейцами*, *Японцы* взяли у сего народа въ числѣ многихъ другихъ, послѣ великой побѣды, надъ ихъ войсками одержанной; но мы видѣли по *Латинской* надписи, на пушкѣ находившейся, что и она лѣтъ не прошло, какъ она вылита для *Голландской Остѣ-Индійской компаніи*; однакожъ не хотѣли его приспѣдить, а пришворились, что вѣримъ и удивляемся безпримѣрному ихъ мужеству. Сверхъ того показали они намъ рисунокъ корабля *Надежды*, на которомъ *Г. Резановъ* приходилъ въ *Нагасаки*, и спрашивали, что значить кормовой нашъ флагъ, гюйсъ и разные другіе *Европейскіе* флаги, которые вѣроятно Капитанъ *Крузенштернъ* поднималъ для украшенія корабля или по морскому сказать *разсвѣщалъ* его флагами. Но болѣе всего удивили насъ нарисованные тѣми *Японцами*, которыхъ *Резановъ* привезъ изъ *Петербурга*, планы всего ихъ плаванія; на нихъ были означены *Данія*, *Англія*, *Канарскіе острова*, *Бразилія*, мысъ *Горнъ*, *Маркезскіе острова*,

Каматка и *Японія*, словомъ всё тѣ моря, которыми они плыли, и земли, куда приспавали. Правда, что въ нихъ не было сохранено никакого размѣра ни въ разстояніи, ни въ положеніи мѣстъ, но если мы возьмемъ въ разсужденіе, что люди сіи были простые мащеры и дѣлали карпы свои на память, примѣчая только по солнцу, въ которую сторону они плыли, то нельзя не признать въ *Японцахъ* рѣдкихъ способностей.

Послѣ *Теске* сказалъ намъ откровенно, что изъ столицы прислана большая кипа *Японскихъ* переводовъ разныхъ *Европейскихъ* книгъ, съ тѣмъ, чтобы мы ихъ прослушали и сказали свое мнѣніе; но какъ въ пользу нашу *Японское* Правительствѣо ничего еще не сдѣлало, то Губернаторъ не хочетъ насъ много беспокоить, а желаетъ только, чтобы мы повѣрили при книги; другія же можно будетъ прослушать тогда, когда послѣдуешь повелѣніе о нашемъ возвращеніи если время сіе позволишь. Впрочемъ, прибавилъ, эшо дѣло не важное, можно ихъ и оставить. Три книги, о которыхъ говорилъ *Теске*, были слѣдующія:

Бунтъ *Беніовскаго* въ *Каматкѣ* и побѣгъ его отсюда.

Повѣствованіе о нападеніи *Рускихъ* и *Англійскихъ* войскъ на *Голландію* въ 1799 году, и

Землеописаніе *Россійской* Имперіи.

Первыми двумя изъ нихъ *Теске* немного занимался, но послѣднюю читалъ отъ начала до конца, причѣмъ мы принуждены были дѣлать наши замѣчанія и опроверженія почти на каждой страницѣ, потому что

Россія шутъ описывается во времена ея невѣжества, и хотя заключающіяся въ сей книгѣ описанія большею частію справедливы, но онѣ относятся къ нашимъ праурядкамъ, а не къ намъ. *Японцы* же, судя по собственнѣйшей привязанности къ своимъ стариннымъ законамъ и обычаямъ, не хотѣли намъ вѣрить, чтобы цѣлой народъ въ короткое время могъ такъ много перемѣниться.

Любопытство *Японцевъ* понудило ихъ также коснуться и до вѣры нашей. *Теске* просилъ насъ именемъ Губернатора, чтобы мы сообщили ему правила нашей религіи, и на чемъ она основывается; а причину, почему Губернаторъ желаетъ имѣть о ней понятіе, объявилъ онъ слѣдующую: Губернаторы порша *Нагасаки*, куда приходятъ *Голландцы*, имѣютъ надлежащее свѣденіе о ихъ вѣрѣ, и такъ если здѣшній Губернаторъ возвратится въ столицу и не будетъ въ состояніи ничего сказать намъ объ нашей, то ему въ семъ случаѣ будетъ стыдно. Мы охотно согласились, для собственной своей пользы, изъяснить имъ нравственные обязанности, копорымъ учить *Христіанская* религія, какъ то: десять заповѣдей и Евангельское ученіе, но *Японцы* не того хотѣли: они намъ сказали, что это ученіе есть не у однихъ *Христіанъ*, а у всѣхъ народовъ, которые имѣютъ доброе сердце (1), и что оно

(1) По идиому *Японскаго* языка бѣлое сердце; съ дурными же свойствами человѣка, они называютъ человѣкомъ съ чернымъ сердцемъ.

было отъ вѣка, и имъ давно уже извѣстно. Но любопытство ихъ болѣе состояло въ томъ, чтобы узнать значеніе обрядовъ Богослуженія. *Японцы*, жившіе долгое время въ *Россіи*, очень часто ходили въ наши церкви, замѣтили и описали всѣ дѣйствія совершаемыя при служеніи литургіи. Теперь имъ хотѣлось знать, что какое дѣйствіе значитъ, зачѣмъ священникъ нѣсколько разъ отворяетъ и зашворяетъ двери, выноситъ сосуды, что въ нихъ хранится и прочее. Но это былъ предметъ, къ которому мы никакъ приступить не могли съ такимъ ограниченнымъ способомъ сообщать другъ другу свои мысли, какъ мы съ *Японцами* имѣли; и потому сказали имъ, что для объясненія таинствъ вѣры, нужно было бы или намъ хорошо знать *Японскій* языкъ, или имъ умѣть говорить хорошо по *Руски*; но какъ и въ томъ и въ другомъ у насъ великой недоспашокъ, что и не можемъ мы коснуться столь важнаго предмета, дабы по незнанію языка не заставили ихъ понять нашего изъясненія въ другомъ смыслѣ, и не произвели въ нихъ смѣху, вмѣсто должнаго почитанія къ Святыни; но *Японцы* не такой народъ, чтобы скоро согласились отстать отъ своего намѣренія: нѣсколько разъ принимались они развѣдывать у насъ о Богослуженіи, спрашивая *избави насъ или хотя немного того нибудь*; напоследокъ мы сказали имъ рѣшительно, что никогда не согласимся говорить съ ними о семъ предметѣ, пока не будемъ въ состояніи совершенно понимать другъ друга.

Алексѣй также былъ не безъ работы: у него от-

бирали Японцы свѣденія о Курильскихъ островахъ, и заспавляли его иногда черпашъ планы оныхъ. *Алексѣй*, не опговариваясь, маралъ бумагу, какъ умѣлъ, а для Японскаго депо картъ все годилось. Они говорили, что въ Японіи есть законъ: всѣхъ иностранцевъ, къ нимъ попадающихся, спрашивать обо всемъ, что имъ на умъ придетъ и все чтобы они ни говорили, записывать и хранить; пошому, что по сравненіи такихъ свѣдѣній можно легко опредѣлить истинное отъ ложнаго, и онѣ со временемъ пригодятся.

Между тѣмъ, на вопросы наши о новостяхъ изъ столицы касательно нашего дѣла, переводчики по большей части говорили, что ничего еще неизвѣстно; а иногда увѣряли, что дѣла тамъ идутъ хорошо, и есть причина ожидать весьма щасливаго конца. Въ Генварѣ сказали намъ переводчики за тайну, сначала *Теске*, а потомъ *Кумаджеро*, что есть повелѣніе перевести насъ въ домъ и содержать лучше, и что приказаніе сіе Губернашоръ намѣренъ исполнить въ Японскій новый годъ (1); о семъ нѣкоторые изъ нашихъ караульныхъ намъ прежде еще потихоньку сказывали, но какъ они часто общали намъ разныя милосши, которыя не сбывались, то мы и не вѣрили имъ, полагая, что они съ намѣреніемъ въ утѣшеніе наше обманываютъ насъ;

(1) Нынѣ (1812) первое число года у Японцевъ было нашего 1 Февраля. Поелику они считаютъ лунные мѣсяцы, до полня недоставокъ къ солнечному году чрезъ изысканное число лѣтъ прибавкою 13 мѣсяца; то ихъ годъ въ то же число солнечнаго года приходилъ чрезъ 19 лѣтъ.

но переводчикамъ мы повѣрили и обрадовались не дому, а тому, что показывается надежда возвратиться въ отечество; почему стали съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать Февраля мѣсяца.

Губернатору вздумалось къ новому году сшить намъ новое плащѣ; почему прежде еще нѣсколько разъ просилъ онъ, чтобъ мы сказали ему, какого цвѣта, изъ какой матеріи и какимъ покроємъ, хотѣли мы имѣть оное; но мы благодарили его за такое къ намъ вниманіе, а отъ плащя отказывались, говоря, что у насъ своего плащя слишкомъ много, и что въ започеніи оно намъ ненужно. Нынѣ же онъ непремѣнно рѣшился подарить намъ обновки, почему переводчики и взяли мундиръ Г. Хлббникова для образца; а чрезъ нѣсколько дней принесли къ намъ плащѣ. Для насъ проишъ сшили они кафшаны изъ тафшы съ такою же подкладкою на ватѣ: мнѣ зеленого цвѣта, а Гг. Хлббникову и Мурцу кофейнаго (1); мастрозамъ же сѣраго цвѣта изъ бумаж-

(1) Гг. Муръ и Хлббниковъ носили иногда сшитыя намъ Японцами капоты, а я всегда носилъ свою фризую фуфайку и панталоны. Губернаторъ спрашивалъ меня, зачѣмъ не ношу я ихъ плащя, не пошому ли, что будучи начальникъ, не хочу носить одинакое плащѣ съ подчиненными своими офицерами. Я смѣялся надъ такимъ замѣчаніемъ и сказалъ ему, что мы и въ Россіи носили бы плащѣ одного сукна и одного цвѣта, что онъ можетъ видѣть по нашимъ мундирамъ, гдѣ нѣтъ другой разности, кромѣ знаковъ показывающихъ чины наши; однакожъ повидимому онъ остался въ тѣхъ мысляхъ, что догадка его справедлива, и пошому нынѣ велѣлъ отличить меня цвѣтомъ плащя.

ной матеріи также на вашѣ; но стараясь сшить оныя на покрой нашего мундира, сдѣлали ни то, ни сію, такъ, что они сами видѣли несходство, смѣялись и удивлялись искусству *Европейскихъ* портныхъ, копорымъ *Японскіе* швецы ни какъ подражать не могли; имѣя даже образецъ передъ глазами.

Съ того времени какъ передѣлали нашу тюрьму, караульные внутренней стражи были почти безоплочно у насъ, сидѣли вмѣстѣ съ нами у огня, курили табакъ и разговаривали. Всѣ они вообще были къ намъ опшмѣнно ласковы, нѣкоторые даже приносили конфеты, хорошій чай и прочее; но все это дѣлалось попохоньку, ибо имъ запрещено было безъ позволенія вышнихъ Чиновниковъ что либо намъ давать. *Японцы* сколь ни скрышны и какъ строго ни исполняютъ своихъ законовъ, но они люди, то и слабости человѣческія имъ свойственны; и между ими нашли мы такихъ, хошя и мало, которые не могли хранишь тайны. Одинъ изъ нихъ, знавшій *Курильскій* языкъ, рассказалъ намъ попохоньку отъ своихъ товарищей, что два человѣка, бѣжавшіе отъ *Хвостова* на островъ *Итурупъ*, убиты были тогда же *Курильцами*, которые по обыштіи судовъ, пришедъ первые къ берегу и увидѣвъ сихъ людей пьяныхъ, подняли ихъ на копья. Симъ однакожъ *Японское* Правительство не было довольно; и это очень вѣроятно, ибо умершвишь ихъ всегда было въ волѣ *Японцевъ*, но отъ прежде временной смерти сихъ двухъ человѣкъ, *Японцы* лишились пособия получить многія нужныя для нихъ свѣденія, и если бы они были живы,

по, открывъ своевольство *Хвостова* поступковъ, давно бы уже примирили ихъ съ нами; тогда конечно и мы не перѣли бы такой участи; впрочемъ это однѣ предположенія,.....Обратимся лучше опять къ настоящему. Такимъ же образомъ узнали мы еще (1); что на *Сахалинѣ* бѣжалъ онъ *Хвостова*, *Алеуто*, именемъ *Яковъ*; онъ долго у нихъ содержался, напоследокъ умеръ въ цынгѣ. Объявленія его *Японцами* много служили въ нашу пользу, ибо онъ утверждалъ, что нападенія на нихъ, *Русскія* суда дѣлали безъ приказа ихъ *славнаго Нагальника*, о чемъ, по его словамъ, слышалъ онъ отъ всѣхъ *Русскихъ*, бывшихъ на шѣхъ судахъ. Ненависть же его къ *Хвостову* была столь чрезмѣрна, что очернивъ сего офицера всѣми пороками, просилъ онъ у *Японскаго* Чиновника въ крѣпости ружья и позволенія спрячаться на берегу, дабы при выходѣ *Хвостова* изъ шлюпки, могъ онъ имѣть удовольствіе убить его, и шѣмъ опамшиться за несправедливость, ему оказанную, которая состояла въ томъ, что одинъ разъ онъ былъ пьянъ, и *Хвостовъ* высѣкъ его за это кошками. По мнѣнію же *Алексѣя*, промышленныхъ не *Курдльцы* убили, а *Японцы*, ибо первые не смѣли бы сами собою этого сдѣлать, а чѣмъ доказать справедливость своего мнѣнія, разсказалъ онъ намъ слѣдующее происшествіе; хотя оное и не служило доказательствомъ словамъ *Алексѣя*, но по другимъ причинамъ заслуживаетъ имѣть здѣсь мѣсто: *Японцы*, продолжая нѣсколько лѣтъ войну противъ

(1) Этому однакожъ *Японцы* не вѣрили, потому, что *Теске* послѣ намъ тоже разсказывалъ.

Курильцевъ, живущихъ въ горахъ сѣверной части *Матсима*, не могли ихъ покорить, и рѣшились вмѣсто силы употребить хитрость и коварство, предложивъ имъ миръ и дружбу. *Курильцы* съ великою радостію на сіе согласились; миръ скоро былъ заключенъ и стали его праздновать. *Японцы* для сего построили особый большой домъ и пригласили сорокъ *Курильскихъ* старшинъ съ храбрѣйшими изъ ихъ ратниковъ; начали ихъ подчивать и поить. *Курильцы*, по склонности къ крѣпкимъ напикамъ, потчасъ въ гостяхъ у новыхъ своихъ друзей перепились, а *Японцы*, припворяясь пьяными, мало по малу всѣ вышли. Тогда вдругъ двери затворились, а открылись дыры въ пошолкѣ и стѣнахъ, сквозь кошорыя копьями всѣхъ гостей переперили, опрубили имъ головы, кошорыя посолили и въ кадкахъ отправили въ столицу, какъ трофеи доказывающіе побѣду. Слышавъ такой анекдотъ (1) и наволъ не весьма пріятно; что же мы должны были чувствовать находясь у того самаго народа, кошорый могъ сдѣлать такое ужасное вѣроломство и варварство? Бѣдный *Алексѣй*, рассказавъ намъ его, извинялся, что прежде не сказывалъ, для того, чтобы не заставилъ насъ печалиться; и что у него есть еще въ памяти о *Японцахъ* много кой-чего сему подобнаго, но онъ не хочетъ уже про то рассказывать, примѣшивъ, что и отъ первой повѣсти мы сдѣлались *невеселы*. Мы внутренно смѣялись простотѣ сего человека; просили его, чтобы говорилъ смѣло все, что знаешь, ибо важнѣйшая часть уже имъ открыта, а

(1) Въ истинѣ всего однакожъ мы сомнѣвались.

остаются только однѣ бездѣлицы, которыя мы хотимъ знать изъ одного любопытства; но *Алексѣй* словъ нашихъ не понималъ и не хотѣлъ насъ пегалить.

Между шѣмъ наступилъ и Февраль: *Японскій* новый годъ; но о домѣ никто не упоминалъ. Мы думали, что *Японцы* слишкомъ заправдновались и имъ уже не до насъ, почему и заключили, что въ половинѣ мѣсяца (1), мы можемъ надѣяться получить общающую милость;

- (1) *Японцы* новый годъ празднуютъ цѣлый мѣсяцъ; но настоящее общее празднество продолжается только отъ новолунія до полнолунія, то есть двѣ недѣли; въ это время у нихъ нѣтъ ни присутствія, ни работы, и ничѣмъ они не занимаются, а только ходятъ по гостямъ и пируютъ; въ остальные же дни мѣсяца трудолюбивые уже принимаются за работу. Новый годъ есть самый важнѣйшій праздникъ въ *Японскомъ* календарѣ. Къ нему шьютъ они обновы и дѣлаютъ великія приготовления, какъ у насъ къ *Пасхѣ*. Обыкновеніе пребудетъ, чтобы въ сей праздникъ всѣмъ знакомымъ, въ томъ же городѣ находящимся, сдѣлать визиты, а отсутствующихъ поздравить письмами; почему переводчики и караульные наши за нѣсколько дней еще начали заготовлять визитные билеты и поздравительныя письма, которыя они у насъ писывали: на визитныхъ билетахъ пишется имена отъ кого, къ кому и по какому случаю они оставляются; а изъ писемъ, *Теске* переводилъ намъ одно, писанное имъ къ пріятелю его, тому самому Чиновнику, который захватилъ насъ въ *Кунаширъ*. Смыслъ оного такой: *прошлый годъ вы были здоровы и счастливы; желаю, чтобы и нынѣшній годъ вы наслаждались здоровьемъ, и имѣли счастье и во всемъ успѣхъ; а я васъ, какъ прежде такъ и нынѣ, почитаю и прошу меня не забывать. Теске.*

но ожиданіе наше не сбылось, а напрошивъ того, мы находили себя въ худшемъ положеніи передъ-прежнимъ: въ пищу намъ спали давань одно пшено и по кусочку соленой рыбы. Въ первые пять или шесть дней Японскаго праздника, ни одинъ Чиновникъ къ намъ не пришелъ и даже переводчики не ходили; а когда они къ намъ пришли и мы спали упрекавъ ихъ въ обманѣ, то *Кумаджеро* увѣрялъ насъ, что они насъ не обманули, но причина, почему не перевели насъ въ домъ, есть та, что въ нынѣшнее время множесшво рыбы идетъ вдоль береговъ, и потому всѣ жители города съ утра до вечера занимающся рыбною ловлею, такъ что нѣкому отгрезпи снѣгъ отъ назначеннаго для насъ дома, который, простоявъ во всю зиму пустой, почти до самой крышки, занесенъ снѣгомъ. Такая отговорка была очень смѣшна. Трудно повѣришь, чтобы въ городѣ, имѣющемъ около 50 тысячъ жителей, не нашлось нѣсколько чело-вѣкъ работниковъ для очищенія снѣгу; и такъ мы на-вѣрное заключили, что *Японцы* никогда не помышляли перевести насъ въ домъ, а только обманывали съ шѣмъ, чтобъ ушѣшая насъ такимъ образомъ, пріучать по немногу къ нашей участи. Мы прямо имъ говорили мысли наши, но они смѣялись и увѣряли насъ, что мы ошибаемся. Въмѣсто перемѣщенія въ домъ, Губернаторъ сдѣлалъ намъ два одолженія: позволилъ брать по 2 или по 3 изъ нашихъ книгъ для чтенія, и велѣлъ, по требо-ванію нашему, давань намъ бритвы, если мы пожелаемъ бриться. Бороды у насъ были уже довольно велики; сна-чала онѣ дѣлали намъ нѣкоторое безпокойство, но те-

перь привыкнувъ къ нимъ, я и Г. Хлѣбниковъ не хотѣли пользоваться такимъ снисхожденіемъ Японцевъ, а болѣе пошому, что бришсы надлежало въ присутствіи Чиновника и нѣсколькихъ человѣкъ караульныхъ, кошорые строго наблюдали, чтобы кто нибудь изъ насъ не вздумалъ умертвить себя бришвою. Сперва Японцы предложили намъ бришсы на нашъ произволъ, но увидѣвъ, что Г. Хлѣбниковъ и я не брѣмся, спали было насъ принуждашь къ этому, говоря, что Губернатору угодно, видѣть насъ безъ бородъ; но мы такихъ причинъ не уважили, а сказали, что долгъ Губернатора узнать, правду ли мы объявляемъ по нашему дѣлу, и оказашъ намъ справедливость, но съ бородами ли мы или безъ бородъ ему дѣла нѣтъ; впрочемъ все, что только можно, мы сдѣлали бы охотно въ его угожденіе, если бы видѣли какіе нибудь вѣрные признаки, что Японцы искренны и насъ не обманываютъ; но теперъ видя пому прошивное, и не имѣя никакой надежды возвратиться въ свое отечество, намъ не до того, чтобы бородами заниматся. Японцы нѣсколько разъ покушались уговаривашъ насъ, чтобы мы выбрались, но не успѣли въ своемъ намѣреніи: мы твердо рѣшились не удовлетворяя нѣ пустымъ ихъ приходамъ.

Наконецъ уже и переводчики не стали паить отъ насъ, что дѣло наше въ столицѣ идетъ не очень хорошо. Теске намъ сказалъ, что хотя всѣ Чиновники, находящіеся въ Матсуба, и даже жители сего города показанію нашему вѣрятъ, но члены верховнаго ихъ Правительства не соглашаются на мнѣіе здѣшняго

Губернатора, полагая, что мы их обманываемъ, и что переводчикъ *Куладжеро* былъ недовольно свѣдуешь въ *Рускомъ* языкѣ, чтобы могъ вѣрно перевести наши отвѣсы и написанную нами бумагу; а болѣе потому они такъ думаютъ, что есть въ ней нѣкоторыя мѣста, для нихъ весьма непонятныя. Когда же мы спрашивали *Теске*, что *Японцы* намѣрены съ нами сдѣлать, то онъ отвѣчалъ, что это еще точно неизвѣстно, ибо Правительство ихъ ни на что не рѣшилось, но многіе думаютъ, что насъ держать не станутъ, а отпустятъ въ *Россію*. Мы видѣли, что эта послѣдняя часть его рѣчи клонилась къ тому, чтобы насъ не вовсе привести въ отчаяніе, и подавъ хотя малѣйшую искру надежды. Однакожъ такое утѣшеніе неслишкомъ много надъ нами подѣйствовало: совѣтуясь между собою о нашемъ положеніи, мы всѣ были согласны, что нѣтъ никакой надежды получить освобожденіе отъ *Японцевъ*; оставалось одно только средство: уйти; но на такое отчаянное предпріятіе *Г. Муръ* и двое изъ матрозовъ (1) никакъ согласиться не хотѣли. Я и *Г. Хлѣбниковъ* употребляли всѣ способы склонить ихъ на сіе покушеніе; мы представляли и доказывали имъ возможность уйти изъ тюрьмы и у берега завладѣвъ судномъ, а тамъ пуститься, смотря по обстоятельствамъ, къ *Камчаткѣ* или къ *Татарской* берегу, какъ Богъ дастъ; и говорили, что гораздо лучше погибнуть въ морѣ, нежели сиихъ, которой мы всю жизнь свою посвятили

(1) *Силиновъ* и *Васильевъ*.

и гдѣ ежегодно множество нашихъ собратій погибаетъ, нежели вѣчно помишься въ неволѣ и послѣ умереть въ тюрьмѣ; впрочемъ предпріятіе сіе хотя весьма опасно, но не вовсе опчаянно или невозможно. Японскія суда неоднократно однимъ волненіемъ и вѣтрами были приносимы къ нашимъ берегамъ, а если мы будемъ править къ нимъ, то скорѣе достигнемъ. Но всѣ наши представленія и доводы были напрасны: Г. Мурѣ оставался непреклоненъ, а сажуя ему и упомянутые два матроза не соглашались. Однакожъ, въ надеждѣ когда нибудь ихъ убѣдишь къ принятію нашего плана, мы спали заготовлять съѣстные припасы, оставляя каждой разъ, когда намъ приносили ѣсть, по нѣскольку каши, такимъ образомъ, чтобы караульные и работники не примѣтили; ночью попохоньку сушили мы ее и прятали въ маленькіе мѣшечки.

Между тѣмъ весна наступала; дни стали гораздо длиннѣе, и настала теплая погода; посему въ началѣ Марта Губернаторъ приказалъ насъ выпускать иногда на дворъ прохаживаться. Четвершаго жъ числа сего мѣсяца Теске намъ сказалъ, что гораздо лучше было бы, если бы отвезли насъ въ столицу, гдѣ мы могли бы имѣть случай лично увѣрить Членовъ ихъ Правительства въ истинѣ нашего объявленія и убѣдишь ихъ согласиться на наше освобожденіе; но безъ того сомнительно, чтобы они рѣшились насъ опустить, ибо ни одинъ изъ нихъ не вѣритъ тому, что мы сказывали о поступкахъ Хвостова и о нашемъ къ нимъ прибытіи, а вся столица вообще думаетъ, что Хвостовъ дѣйствовалъ по волѣ

Правительства, и мы приходили съ намѣреніемъ, высмотрѣть ихъ гавани и укрѣпленія, дабы послѣ большими силами сдѣлать на нихъ нападеніе. Мы полагали, что *Японцы* сею рѣчью хотяшъ приготовить насъ къ равнодушному принятію формальнаго объявленія объ оправленіи нашемъ въ столицу, откуда конечно уже никогда намъ не возвращашься. Сверхъ того въ сіе же время *Теске* открылъ намъ другое обстоятельство великой важности: онъ сказалъ, что *Хвостовъ*, при первомъ своемъ нападеніи на нихъ, увезъ нѣсколько человекъ *Японцевъ*, которыхъ, продержавъ зиму въ *Каитаткѣ*, на слѣдующій годъ возвратилъ, выпускивъ ихъ на островъ *Лиссель* (*Pic de Langle*) съ бумагою на имя *Матсмайскаго* Губернатора, которую со временемъ намъ покажутъ. *Теске* не зналъ (или, по крайней мѣрѣ, говорилъ, что не зналъ) кѣмъ она подписана и какого содержанія. Но какъ *Японцы* прежде уже показали намъ каждый *Рускій* лоскушокъ, какой только у нихъ былъ, и требовали перевода, а о сей бумагѣ ни слова не упоминали, то мы и заключили, что эшо должна быть какая нибудь важная бумага, которую конечно берегутъ они для окончательнаго нашего уличенія въ обманъ. Лишь только *Теске* насъ оставилъ, какъ *Г. Муръ* тотчасъ сказалъ, что теперь онъ видитъ весь ужасъ нашего положенія и рѣшается съ нами уйши; *Симановъ* и *Васильевъ*, услышавъ эшо, также скоро согласились. Теперь оставалось намъ подумать, какъ поступить съ *Алексѣемъ*: объявить ему о нашемъ намѣреніи и уговорить слѣдовать за нами,

или попихоньку оставишь его. Сдѣлать первое мы боялись, чтобъ онъ намъ не измѣнилъ и не открылъ Японцамъ нашего предпріятія, а оставишь его жалѣли, дабы не подвергнувъ жестокому наказанію, какъ соучастника нашего, и попому мы сперва согласились было написать письмо къ Губернатору, обнаруживающее невинность *Алексѣя*; но послѣ Г. *Муръ* уговорилъ насъ открывъ ему наше намѣреніе и взявъ его съ собою, ибо, по знанію его разныхъ кореньевъ и правъ, годныхъ въ пищу, а также многихъ признаковъ на здѣшнихъ моряхъ, онъ могъ намъ быть весьма полезенъ. Когда мы ему объ этомъ сказали, то онъ сначала крайне испугался, поблѣднѣлъ и не зналъ, что говорить; но подумавъ, оправился и потчасъ согласился, сказавъ: я такой же *Русской*, какъ и вы; у насъ одинъ Богъ, одинъ и Государь, худо ли, хорошо ли, но куда вы, туда и я, въ морѣ ли утонуть, или Японцы убьютъ насъ, вѣстѣ все хорошо; спасибо, что вы меня не оставляете, а берете съ собою. Мы удивились такой рѣшительности и твердости въ этомъ чело-вѣкѣ и потчасъ приступили къ совѣтованію, какимъ образомъ предпріятіе наше произвести въ дѣйство.

Выдши изъ шюръмы мы имѣли два способа: изъ ка-раульныхъ нашихъ, составлявшихъ внутреннюю стра-жу, ваходились при насъ безпрестанно по два чело-вѣка, которые весьма часно, или, лучше сказать, почти всег-да сидѣли съ нами у огня до самой полуночи и иногда спусъ засыпали; припомъ многіе изъ нихъ были склон-ны къ крѣпкимъ напѣшкамъ, и частенько по вечерамъ,

когда не было имъ причины опасаться посѣщенія своихъ Чиновниковъ, прихаживали къ намъ пьяные; следовательно, дождавшись темной ночи и подувшаго вѣтра, мы могли вдругъ кинулись на караульныхъ, связавъ ихъ и зажавъ имъ рѣшъ шакъ, чтобы они не успѣли никакой тревоги сдѣлать; потомъ, взявъ ихъ сабли, перелѣзъ сзади черезъ ограды и спуститься въ оврагъ, которымъ пробирались пошихоньку къ морскому берегу и спарашся завладѣть тамъ судномъ или большею лодкою, и на ней пуститься къ *Татарскому* берегу. Но какъ на сей способъ мы согласиться не могли, то и выбрали другой: съ полуночи стражи наши уходили въ свою караульню, запирали нашу дверь замкомъ и ложились покойно спать, не наблюдая ни мало той строгости, съ какою прежде они за нами присматривали. Въ дальнемъ углу отъ ихъ караульни находилась небольшая дверь, сдѣланная для чищенія нужныхъ мѣстъ: дверь сія была назамкъ и за печашью; но имѣя у себя большой острый ножъ, мы легко могли перерѣзать брусъ, въ которомъ утверждень пробой и отворить оную; потомъ, пошихоньку выбравшись, перелѣзъ черезъ сѣню, посредствомъ *трапа* или морской лѣстницы, которую мы сдѣлали изъ мапрозской парусинной койки (1), а чтобы не быть намъ совсѣмъ безоружными,

(1) Когда насъ взяли въ *Кунаширъ*, то на нашей шлюпкѣ послана была подъ сукномъ мапрозская койка. Сукна, которое мы просили вмѣсто одѣла, *Японцы* намъ не отдали; но койку въ *Хакодадѣ* еще дали одному изъ мапрозовъ, и она теперь пригодилась намъ на лѣстницу.

по мы имѣли у себя длинные шесты для сушенія бѣлья и для провѣтриванія плащя, изъ коихъ намѣревы были въ самую ночь исполненія нашего предпріянія сдѣлать копыа или, лучше сказать, остроги.

Рѣшась швердо симъ способомъ произвести въ дѣйство наше намѣреніе въ первую благопріятную ночь, мы ожидали оной съ нетерпѣніемъ. Наконецъ 8 Марша, повѣялъ восточный вѣтръ съ туманомъ (1) и дождемъ. Постоянство его обѣщало, что онъ продуетъ нѣсколько дней, и если удастся намъ завладѣть судномъ, то донесетъ насъ до *Татарскаго берега*; почему въ сумерки, мы сжали гошовишься самымъ скрытнымъ образомъ, чтобы караульные не могли замѣтить; но по наступленіи ночи облака сжали прочищаются, показались звѣзды, а скоро пошомъ примѣтили мы, что вѣтръ перемѣнился и спалъ душь съ западной стороны; по сей причинѣ мы нашлись принужденными опложитъ предпріятіе свое до другаго времени. Дня черезъ два послѣ сего опять подулъ благопріятный для насъ вѣтръ и съ такою погодою, какой лучше нельзя было желать; но когда я и Г. *Хлѣбниковъ* сказали, что въ слѣдующую ночь, съ помощію Божіею, мы должны пристуиить къ дѣлу; то къ крайнему нашему удивленію и горести, Г. *Муръ* оповѣчалъ, что намъ ни совѣтовашъ, ни ошговаривашъ не хочетъ, что же принадлежишь до него, то онъ намъ не шовариць, принявъ швердое намѣреніе ожидашь своей участи въ зашоченіи, что бы съ нимъ ни слу-

(1) Въ здѣшнихъ моряхъ туманы сущъ вѣчные спутники восточныхъ вѣтровъ.

чилось; самъ же собою никогда, ни на что для освобожденія своего не покусился. Мы спарались было его уговаривать и просили ради Бога основательно подумать, что онъ дѣлаетъ, но представленія наши были недѣйствительны: онъ намъ отвѣчалъ съ сердцемъ и колко, что онъ не ребенокъ, и знаетъ весьма хорошо, что ему дѣлать; впрочемъ онъ намъ ни мало не мѣшаетъ, мы можемъ, буде хотимъ, и одни уйши безъ него; а въ заключеніе просилъ насъ болѣе не упоминать ему объ этомъ, ибо, что бы мы ни говорили, но всѣ наши доводы и убѣжденія будутъ бесполезны и онъ насъ слушать не станеть. Съ сей минуты Г. Муръ совершенно переѣнилъ свое поведеніе въ разсужденіи насъ; спалъ отъ насъ убѣгая, никогда ни о чемъ съ нами не говорилъ, на вопросы наши отвѣчалъ коротко и часто даже съ грубостію; но къ Японцамъ сдѣлался крайне почтительнѣе, началъ перенимать всѣ ихъ обычаи и съ Чиновниками ихъ не такъ уже говорилъ, какъ прежде мы всѣ дѣлывали, соблюдая наши *Европейскія* обыкновенія и сохраняя свое достоинство, но какъ будто они были его начальники, и часто, даже къ удивленію и смѣху самихъ Японцевъ, оказывалъ онъ имъ почитеніе по ихъ обряду. Незная, что намъ въ такомъ положеніи дѣлать я было предложилъ взять честное слово или клятву съ Г. Мура, что онъ допуститъ насъ уйти и до самаго утра не опшкруетъ караульнымъ; а намъ съ своей стороны оставить письмо къ Губернатору, такого же содержанія, какое объ Алексѣе хотѣли мы написать и обязались, если насъ поймутъ, сказать, что

Г. Мурѣ не былъ участникомъ въ нашемъ предпріятіи и ничего объ немъ не зналъ; но мажоры всѣ въ одинъ голосъ были противнаго мнѣнія, говоря, что въ семъ случаѣ на обѣщаніе Г. Мура никакъ положиться нельзя; они много кое-чего въ пользу своего мнѣнія говорили на щепъ сего офицера, справедливо или нѣтъ, только я принужденъ былъ согласиться съ ними, что въ столь важномъ дѣлѣ вѣрить себя ему опасно, а какъ переводчики насъ увѣряли, что по наступленіи теплыхъ дней, будутъ намъ позволять ходить подъ присмотромъ небольшого числа Японцевъ по городу, то рѣшились мы подождать, не будутъ ли насъ водить иногда за городъ и не представится ли случай силою отбиться у Японцевъ; тогда уже нѣчего намъ будетъ опасаться Г. Мура, а чтобы онъ заблаговременно не открылъ имъ нашего прежняго намѣренія, то согласились мы притвориться передъ нимъ, что слѣдуя ему, мы также оставили всякую мысль объ уходѣ, и рѣшились ждать конца своей участи въ плѣну, предавшись во всемъ на волю Божію; но онъ намъ не вѣрилъ и ни мало не перемѣнялъ своего обхожденія.

Между тѣмъ явилось къ намъ новое лице: это былъ присланной изъ Японской столицы, Землемѣръ и Астрономъ, по имени Маміа-Ринзо. Въ первой разѣ онъ къ намъ пришелъ съ нашими переводчиками, которые сказали, что онъ пріѣхалъ недавно изъ Эддо, откуда Правительство ихъ, по совѣту врачей, знающихъ Европейскіе способы леченія, прислало съ нимъ нѣкоторые припасы, могущіе предохранить насъ отъ цынгош-

ной болѣзни, споль въ здѣшней споронѣ обыкновенной и опасной. Припасы сіи состояли въ двухъ шпофахъ лимоннаго соку, въ нѣсколькихъ десяткахъ лимоновъ и апельсиновъ и въ небольшемъ количествѣ какой-то сушеной травы, имѣющей весьма пріятный запахъ, копорую совѣщовали намъ *Японцы* понемногу класъ въ похлѣбку. Сверхъ того Губернаторъ тогда же прислалъ намъ ошь себя фуиша 3 или 4 сахарнаго песку и ящичекъ варенаго въ сахарѣ краснаго спручковаго перцу, до котораго *Японцы* великіе охотники (1). Но всѣ сіи гостинцы, какъ то мы скоро примѣшили, клонились къ тому, чтобы насъ, такъ сказать, задобрить и понудить не отговариваясь учить *Японскаго* Землемѣра нашему способу описывать берега и дѣлать астрономическія наблюденія; на сей конецъ онъ не замедлил принести къ намъ свои инструменшы, какъ то: мѣдный секстаншъ *Англійской* работы, астролябію съ компасомъ, чершежный инструменшъ и ршущъ для искусственнаго горизонша, и просилъ насъ показашъ ему, какъ *Европейцы* употребляютъ сіи вещи. Онъ спалъ ходить къ намъ всякой день и былъ у насъ почти съ утра до вечера, рассказывая о своихъ путешествіяхъ и показывая планы и рисунки описанныхъ имъ земель, которые видѣшь для насъ было весьма любопытно. Между *Японцами* онъ считался великимъ путешественникомъ; они слушали его всегда съ боль-

(1) *Буніосъ* и прежде еще нѣсколько разъ присылалъ намъ понемногу сахару, перцу и прочаго.

шимъ вниманіемъ, и удивлялись, какъ могъ онъ принимать такія дальнія путешествія, ибо ему удалось быть на всѣхъ *Курильскихъ* островахъ до семнадцатаго, на *Сахалинѣ*, и онъ достигалъ даже до *Манжурской земли* и до рѣки *Амура*. Тщеславіе его было столь велико, что онъ безпрестанно рассказывалъ о своихъ подвигахъ и шрудностяхъ, имъ понесенныхъ, для лучшаго объясненія коихъ, показывалъ дорожныя свои сковородки, на которыхъ готовилъ кушанье; и шутъ же у насъ на очагъ, всякой день что нибудь варилъ или жарилъ, самъ ѣлъ и насъ подчивалъ. Также имѣлъ онъ кубикъ для гнанія водки изъ сорочинскаго пшена, который безпрестанно у него спозалъ на очагъ; выгнанную же изъ него водку пилъ онъ самъ и насъ подчивалъ, что мафрозамъ нашимъ весьма нравилось. Онъ умѣлъ брать секстантомъ высоту солнца на естественномъ и искусственномъ горизонтѣ и зналъ, какъ по полуденной высотѣ сыскать широту мѣста, для чего употреблялъ таблицы склоненія солнца и всѣхъ входящихъ шутъ поправокъ, переведенныя на *Японскій* языкъ, по словамъ его, съ *Голландской* книги. Не имѣя у себя нашихъ таблицъ, мы не могли узнать, довольно ли ихъ таблицы вѣрны; но кажется, что онъ взяты изъ какой нибудь старинной *Голландской* книги. *Маміа Ринзо* намъ сообщилъ многія весьма любопытныя свѣденія, которыя нашему Правительству не безполезно знать, и тѣмъ болѣе, что онъ заслуживающъ вѣроятіе, ибо прежде сего мы поже самое слышали отъ другихъ *Японцевъ*. Я буду имѣть

случай упомянутьъ объ нихъ въ другомъ мѣстѣ. Въ самомъ началѣ почти нашего знакомства съ симъ Геодезисомъ, мы узнали, что онъ нешомко извѣстенъ между *Японцами*, какъ человѣкъ ученый, но и славившійся яко отличнѣйшій воинъ. При нападеніи на нихъ *Хвостова*, онъ былъ на островѣ *Итирунб*, гдѣ съ прочими своими поварищами также *далъ тлеу* въ горы, но къ щасію его *Руская* пуля попала ему въ мягкое мѣсто задней часши; однакожъ онъ не упалъ и ушелъ благополучно, за что награжденъ чиномъ и теперь получаетъ пенсію. Иногда онъ передъ нами храбрился и говорилъ, что послѣ набѣговъ *Хвостова*, *Японцы* хотѣли послать въ *Охотскѣ* три судна, съ тѣмъ, чтобы мѣсто сіе разорить до основанія. Мы смѣялись и шутили надъ нимъ, говоря: крайне сожалѣемъ, что *Японцы* не могутъ найсти дороги пуда, иначе нехудо было бы если бъ они послали не три судна, а тридцать или триста; вѣрно ни одно бы изъ нихъ не возвратилось домой. Тогда онъ обижался и увѣрялъ насъ, что *Японцы* не хуже другихъ умѣютъ драться. Надобно знать, что это былъ еще первый *Японецъ*, который передъ нами хвалился своимъ искусствомъ въ военныхъ дѣлахъ и грозилъ намъ; за то не только мы, но и товарищи его надъ нимъ смѣялись. *Малин-Ринзо*, умѣя найсти широкую мѣста по солнечной высотѣ, слыхалъ также, что и долгошу можно сыскать по разстоянію луны или звѣзды отъ солнца, и хотѣлъ, чтобы мы выучили его, какъ это дѣлать; но какимъ способомъ возможно было приступить къ сему дѣлу? Мы не имѣли при

себѣ ни нужныхъ для сего таблицъ, ни календаря астрономическаго, а припомъ и переводчики наши сполько смыслили по *Руски*, что мы съ нуждою могли объясняшь имъ самыя нужныя вещи. Отказъ нашъ произвелъ въ семъ *Японцѣ* великое прошивъ насъ неудобольствіе; онъ даже грозилъ намъ, что изъ столицы скоро будутъ сюда переводчики *Голландскаго* языка и *Японскіе* ученые, чтобъ отбирать отъ насъ объясненія на нѣкоторыя предметы, до наукъ касающіеся, и что тогда уже не посмѣемъ мы опговариваться и хотимъ или нѣтъ, но должны будемъ отвѣчать. Новость сія не слишкомъ намъ была пріятна; она показывала, что *Японцы* собираются силою принуждать насъ учить ихъ. Г. *Муръ* уже взялся за сіе добровольно; только математическимъ наукамъ учить не хотѣлъ, опговариваясь незнаніемъ, а совѣтовалъ имъ употребить къ сему Г. *Хлббникова*, которому сія часть была очень хорошо извѣстна.

Хотя сей ученый сдѣлался намъ большимъ врагомъ, однакожъ не всегда мы съ нимъ спорили и ссорились, а иногда дружески разговаривали о разныхъ матеріяхъ, въ числѣ коихъ политическіе предметы болѣе прочихъ заслуживаютъ вниманіе. Онъ утверждалъ, что *Японцы* имѣютъ основательную причину подозрѣванія *Русскихъ* въ дурныхъ прошивъ нихъ намѣреніяхъ, и что *Голландцы*, сообщившіе имъ о разныхъ замыслахъ *Европейскихъ* дворовъ, не ошибаются. Но *Теске* не такъ думалъ: онъ полагалъ, что *Голландцы* съ намѣреніемъ внушили *Японскому* Правительству подозрѣніе

къ *Рускимъ* и *Англичанамъ*, увѣривъ оное, что сіи двѣ державы, воюя соединенными силами противъ *Франціи* и союзныхъ ей земель, имѣющъ также въ виду распространяться къ востоку: *Россія* по сухому пути, а *Англія* моремъ, обѣщаясь помогать другъ другу и со временемъ *Китай* и *Японію* раздѣлить между собою. *Голландцы* приводятъ въ доказательство своему мнѣнію со стороны *Россіи* пріобрѣтеніе *Сибири*, *Алеутскихъ* и *Курильскихъ* острововъ, а въ отношеніи къ *Англіи* распространеніе ея владѣній въ *Индіи*, показывая чрезъ то *Японцамъ*, сколь близко къ нимъ въ короткое время эти два народа подвинулись. Извѣстно, что *Англійскій* Капитанъ *Бротонъ* два лѣта плавалъ къ *Японскимъ* берегамъ; въ оба раза къ нимъ приспавалъ и имѣлъ съ жителями сношеніе; это случилось въ самое то время, когда *Англія* и *Россія* союдно дѣйствовали противъ *Франціи* и *Голландіи*; и пошому *Голландцы*, по словамъ *Теске*, старались увѣрить *Японцевъ*, что *Англичане* съ намѣреніемъ высматриваютъ ихъ гавани, чтобы послѣ на нихъ напасть. Мы опровергали такое мнѣніе, стараясь увѣрить *Японцевъ* въ истинной причинѣ плаванія *Бротона* около ихъ береговъ, которая также извѣстна была очень хорошо и самимъ *Голландцамъ*; но непомѣрное ихъ корыстолюбіе и зависть произвели страхъ, чтобы *Японцы* не дали позволенія *Рускимъ* и *Англичанамъ* съ ними торговать; въ такомъ случаѣ *Голландцы* должны были бы лишиться значнаго прибытка, ибо не могли бы уже обманывать ихъ и продавать *Европейскія*

бездѣлицы за высокую, и, можно сказать, безсовѣстную цѣну. *Теске* съ нами былъ совершенно въ этомъ согласенъ и вѣрилъ, что одно сребролюбіе и коварство заставляющъ *Голландцевъ* такъ говорить; но *Мамія-Ринзо* не хотѣлъ согласиться. При семъ случаѣ *Теске* разсказалъ намъ объ одномъ происшествіи, которое жестоко раздражило *Японское* Правительство противъ *Англичанъ*, и говорилъ, что если бы теперь пришло *Англійское* судно къ ихъ берегамъ, то они потчасъ сыграли бы съ нимъ такую же шутку, какъ и съ нами. Происшествіе сіе было слѣдующее: черезъ годъ или черезъ два послѣ *Резанова*, показалось передъ входомъ въ *Нагасацкую* гавань большое судно подъ *Рускимъ* флагомъ; нѣсколько человекъ *Голландцевъ* и *Японцевъ*, по повелѣнію Губернатора, потчасъ поѣхали на оное, гдѣ первыхъ всѣхъ кромѣ одного задержали, а послѣднихъ вмѣстѣ съ *Голландцемъ* отправили назадъ, сказавъ, что судно принадлежитъ *Англичанамъ*, и какъ они въ войнѣ съ *Голландцами*, то всѣхъ людей сего народа увезутъ съ собою въ плѣнъ, если *Японцы* не пришлютъ къ нимъ извѣстнаго числа свиней и быковъ. Въ ожиданіи отвѣта, *Англичане* разтѣзжали на шлюпкахъ по всей гавани и промѣривали оную; между тѣмъ оставшіеся на берегу *Голландцы* склонили Губернатора на сей выкупъ: свиней и быковъ отослали на судно и вымѣняли за нихъ захваченныхъ *Голландцевъ*. Губернаторъ за сіе лишился жизни и дано повелѣніе повсюду поступать съ *Англичанами* непріятельски.

По случаю же замѣчанія нашего, что *Голландцы* об-

манывають *Японцевъ* привозомъ къ нимъ дурныхъ вещей и продажоу оныхъ за дорогую цѣну, *Теске* намъ сказалъ, что Правительству ихъ все это извѣстно, но оно не хочеть перемѣнить прежнихъ своихъ пошановленій и допускаеть *Голландцевъ* возить къ нимъ то самое, что возили въ началѣ ихъ торговли съ *Японією*; впрочемъ худое ли или хорошее, до этого имъ нужды нѣтъ. При семъ разсказалъ онъ намъ слѣдующій анекдотъ: по причинѣ войны съ *Англією*, *Голландцы*, не находя средствъ доставлять въ *Японію* Европейскіе товары, наняли корабли *Соединенныхъ Американскихъ* областей, чтобы они привезли нужныя имъ вещи въ *Нагасаки*, и пришли подъ *Голландскими* флагами; товары были уже выгружены на берегъ, какъ *Японцы* увидѣли обманъ, примѣшивъ, что между сими кораблями и ихъ экипажами большая разность съ тѣми, которые прежде ихъ посѣщали, а болѣе всего взяли они подозрѣніе, видя отмынную доброшу товаровъ (которые были *Англійскіе*); но не взирая на это, Правительство приказало все привезенное погрузить опять въ тѣ же корабли и выгнать ихъ изъ порта.

Съ половины Марша Губернаторъ позволилъ намъ ходить прогуливаться по городу и за городомъ; водили насъ въ недѣлю раза два, часа на четыре, въ сопровожденіи 5 или 6 человекъ солдатъ Императорской службы, содержавшихъ при насъ внутреннюю стражу, и 3 или 4 Княжескихъ солдатъ, подъ распоряженіемъ одного изъ переводчиковъ; кромѣ сего, такъ сказать, конвоя, ходили съ нами по нѣскольку человекъ рабочи-

ковъ, кошорые несли чайный приборъ, *sagyu*, машы для сидѣнья, а нерѣдко и кушанье, ибо иногда мы обѣдывали въ полѣ; сверхъ сего отъ города назначался полицейскій служитель, кошораго должностъ состояла въ томъ, чѣнобъ онъ шелъ впереди и показывалъ дорогу. Японцы водили насъ иногда вершны за чешыре отъ города на горы и вдоль морскаго берега. Мы потчасъ примѣнили, что ошибився у нихъ намъ неспрудно было бы ихъ же собственнымъ оружіемъ (1); но дѣло въ томъ состояло, куда послѣ дѣваться; и потшому мы рѣшились ожидать случая, не попадетсѣ ли намъ у берега большая лодка, на кошорой, ошибившись у Японцевъ, могли бы мы уѣхать; для чего просили мы ихъ водить насъ гулять вдоль берега, и запасенную нами провизію всегда таскали съ собою. Но Г. Муръ, подозрѣвая наше намѣреніе, упрасивалъ Японцевъ не ходить далеко отъ города подъ видомъ, чѣно у него болятъ ноги.

Въ послѣднихъ числахъ Марша переводчики и караульные наши опять начали поговаривать о переводѣ насъ изъ тюрьмы, и чѣно дѣло стоитъ только за нѣкоторыми переправками въ назначенномъ для насъ домѣ; а скоро послѣ Куиаджеро приступилъ къ Г. Муръ, чѣнобы онъ сдѣлалъ рисунокъ нужнаго мѣста на Рускій

(1) Военные Японцы всегда носятъ за поясомъ по саблѣ и по кинжалу; даже когда они и дома сидятъ, то одну саблю только снимаютъ, а кинжалъ рѣдко; если же когда и вынутъ его изъ за кушака, а понадобится имъ хопя на одну минуту выйти на дворъ, то потчасъ опять берутъ, словомъ безъ кинжала ни на минуту.

образецъ, дабы *Японцы* могли намъ этимъ услужить въ новомъ нашемъ жилищѣ. Мы смѣялись шакимъ ихъ зашѣямъ и увѣряли ихъ, что въ этомъ разности большой не будетъ, если они сдѣлаютъ мѣсто сіе и по своему; но *Куиаджеро* непременно хотѣлъ имѣть рисунокъ и наконецъ получилъ оной (1).

Перваго Апрѣля съ утра *Японцы* начали переносить наши вещи въ домъ, а послѣ обѣда позвали насъ въ замокъ и представили *Бунносу*, которой, въ присутствіи всѣхъ значнѣйшихъ Чиновниковъ города, сказалъ намъ, что теперь переводятъ насъ изъ шюрмы въ хорошій домъ, въ коемъ прежде жилъ *Японскій* Чиновникъ, и что содержатъ насъ станутъ гораздо лучше прежняго; а потому мы должны жить съ *Японцами*, какъ съ своими соотечественниками (1) и братьями; съ шѣмъ насъ и опустили.

Изъ замка пришли мы прямо въ назначенный для насъ домъ, который находился почти противъ самыхъ южныхъ воротъ крѣпости, между валомъ и высокимъ утесомъ, подъ коимъ расположена средняя часть города. Стоялъ онъ по срединѣ обширнаго двора, окруженнаго высокою деревянною стѣною, съ рогатками, на верху оной поставленными; дворъ сей былъ раздѣленъ по-

(1) Послѣ мы узнали, что *Куиаджеро* не шутилъ: пужное мѣсто *Японцы* сдѣлали точно по чертежу Г. Мура.

(1) Или по переводу *Алексѣя*: какъ съ своими земляками.

поламъ также деревянною спѣною; одна половина, ближняя къ утесу, была назначена для насъ; шупъ сшояли при или чешыре дерева и нѣсколько пучковъ тростни- ку, что все вмѣстѣ *Японцы* называли садомъ, когда показывали намъ *прелести* новаго жилища нашего; а лужу, въ одномъ углу двора бывшую, именovali озе- ромъ (1); находившейся же въ ней кучѣ грязи давали имя острова. Сообщение съ нашего двора или саду (го- воря согласно съ *Японцами*) на другой дворъ, было посредствомъ небольшихъ воротъ, которыя всегда на- ходились на замкѣ; онѣ опирались шолько тогда, когда

-
- (1) *Японцы* великіе охотники до садовъ и любятъ подражать природѣ. Прогуливаясь по городу, мы заходили на нѣ- которые дворы, и на всякомъ почши находили, литераль- но сказать, судя по величинѣ, лужу, обсаженную зеленью и деревьями, въ срединѣ коей двѣ или три кучи земли, представляли острова, на которыхъ мѣстами лежали камни, изображающіе скалы и утесы, а индѣ посажены тростникъ; на водѣ же плавали суда и лодки, весьма гру- бо сдѣланныя. Это мы видѣли у бѣдныхъ людей, у ко- торыхъ и весь дворъ неболѣ нѣсколькихъ сажень въ окружности; но у богатыхъ есть прекрасныя сады. *Матслайскій* климатъ, не взирая на выгодное географиче- ское положеніе сего острова, отъ мѣстныхъ причинъ не благопріятствуетъ садоводству; но мы знаемъ по опи- санію самихъ *Японцевъ*, что на главномъ ихъ остро- вѣ *Нифонѣ*, есть множество великолѣпнѣйшихъ садовъ, принадлежащихъ Князьямъ и знатымъ Господамъ, изъ коихъ многіе полагаютъ въ томъ главное свое удоволь- ствіе, чтобы въ ихъ садахъ прогуливался народъ и удив- лялся чрезвычайной красотою и пышностію оныхъ.

Начальникъ *Туынгарскихъ* войскъ или ихъ дежурный Офицеръ приходили осматривать нашъ дворъ, или когда насъ водили гулять; да еще по ночамъ отъ захожденія до восхожденія солнца, каждые полчаса караульные наши ходили дозоромъ и осматривали вокругъ всего двора; а съ другого двора ворота были на дорогу подлѣ самаго вала, и запирались шолько на ночь. Домъ нашъ, по направленію средней стѣны, также былъ раздѣленъ пополамъ деревянною рѣшеткою, такъ, что одна его половина находилась на нашемъ дворѣ, а другая на другомъ: въ первой изъ нихъ были прикомнаты, раздѣляющіяся между собою ширмами, а во второй за рѣшетками въ одной части содержали караулъ, при одномъ офицерѣ, солдаты *Туынгарскаго* Князя, которые могли сквозь рѣшетку насъ видѣть. Отъ нихъ къ намъ была дверь, но всегда на замкѣ; солдаты сіи были вооружены, кромѣ саблей и кинжаловъ, ружьями и стрѣлами, и офицеръ ихъ почти безпрестанно сидѣлъ у рѣшетки, смотря въ наши комнаты. Подлѣ сей караульной рядомъ съ нею, также за рѣшеткою находилась небольшая каморка, въ которой сидѣли по два человека Императорскихъ солдатъ, коихъ настоящая караульная была за сею каморкою; они также могли видѣть все, что у насъ дѣлалось; притомъ отъ нихъ къ намъ дверь шолько на ночь запиралась; но они и ночью по нѣсколько разъ сначала къ намъ приходили, а днемъ бывали у насъ очень часто. Далѣе же за комнатами караульныхъ въ томъ же домѣ находились горницы для работниковъ, кухня и кладовая. На нашей половинѣ

около дома была галлерей, съ которой мы могли чрезъ спѣну видѣть къ югу *Тынггарскій* проливъ, противоположенной берегъ *Японіи* и мачты судовъ, стоящихъ у берега (1), а въ щели спѣнъ видѣли и самыя суда и еще одну часть города; къ сѣверу же видна была крѣпость и горы *Матсмайскія*. Теперь жилище наше во многихъ отношеніяхъ перемѣнилось къ лучшему: мы могли по крайней мѣрѣ наслаждаться зрѣніемъ неба, свѣтили небесныхъ и разныхъ земныхъ предметовъ; также свободно прохаживаясь по двору и пользовавшись прохладою вѣтровъ и чистымъ невоюнчимъ воздухомъ. Сихъ выгодъ прежде мы не имѣли, а сверхъ того и пищу стали намъ давать противъ прежняго несравненно лучшую; но все это насъ ни мало не могло утѣшать, когда только мы вспоминали о послѣднихъ словахъ *Бунъюса*: онъ намъ совѣтовалъ жить съ *Японцами*, какъ съ братьями и соотечественниками, а о *Россіи* не упомянулъ ни слова, чего никогда не случалось. Прежде бывало во всякомъ случаѣ, разсуждаясь съ нами, утѣшалъ онъ насъ обѣщаніемъ ходатайствовать по нашему дѣлу и обнадеживалъ, что мы бу-

(1) Городъ *Матсмай* стоитъ при большомъ открытомъ заливѣ и не имѣетъ никакой гавани; но *Японскіе* суда запрягиваются къ самому берегу и стоятъ за грядами камней, которые, останавливая волны, служатъ имъ защитою; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по утѣренію *Японцевъ*, глубина въ малую воду, простирается до 4 сажень; слѣдовательно очень достаточна для большихъ *Европейскихъ* коммерческихъ судовъ.

демъ возвращены въ свое отечество, а нынѣ уже и это пересталъ говорить, совѣщая намъ *Японцевъ* почитать своими соотечественниками. Что же это значило, какъ не то, что мы должны водвориться въ *Японию*, а о *Россіи* болѣе не помышлять? Но мы тогдажъ рѣшились и внутренно поклялись, что этому никогда не бывать, и во что бы то ни стало, но мы должны или силою отбиться у *Японцевъ* и уѣхать, буде лодка намъ попадется на берегу, или потихоньку уйти ночью и завладѣть судномъ; впрочемъ всѣ мы, кромѣ Г. *Мура*, единодушно положили, лучше умереть, но въ *Японию* на всю жизнь не оставаться.

Японскіе Чиновники и переводчики наши, по обыкновенію своему пришедшіе насъ поздравлять съ переменою нашего состоянія, потчасъ примѣтили, что домъ не произвелъ надъ нами ожиданнаго ими дѣйствія, и что мы также невеселы, какъ и прежде были, почему и сказали намъ: „мы видимъ, что переменна вашего состоянія не можете васъ радовать, и что вы только и помышляете о возвращеніи въ свое отечество; но какъ Правительство *Японское* ни на что еще не рѣшилось въ разсужденіи васъ, то Губернаторъ, нынѣшнимъ лѣтомъ по прибытіи своемъ въ столицу (1), употребивъ

(1) Во всѣхъ *Японскихъ* областяхъ, не принадлежащихъ владѣтельнымъ Князьямъ, а зависящихъ отъ самаго Императора, бываетъ по два *Бунёо* или Губернатора; одинъ изъ нихъ живетъ въ своей провинціи, а другой въ столицѣ. Они смѣняюща погодно; управляющій областію о всѣхъ дѣлахъ пишетъ къ своему товарищу, которой обѣ

всѣ средства и зависящіе отъ него способы склонить свое правленіе дать вамъ свободу и отпавить въ *Росцію*.“ О намѣреніи Губернатора спараться въ нашу пользу, *Теске* неоднократно намъ говорилъ, и однажды, рассказывая, сколь много Губернаторъ намъ доброжелательствуетъ и какъ хорошо онъ къ намъ расположенъ, открылъ такое обстоятельство, которое понудило насъ непременно до наступленія лѣта уйти: *Теске* намъ сказалъ, что на сихъ дняхъ Губернаторъ получилъ изъ столицы повелѣніе, которое онъ при немъ распечаталъ; но прочитавъ, выронилъ изъ рукъ и въ изумленіи и печали повѣсилъ голову; когда же онъ спросилъ его о причинѣ сего, то Губернаторъ отвѣчалъ, что Правительство не уважило его представленія, коимъ испрашивалъ онъ позволеніе, буде *Рускіе* корабли придуть къ здѣшнимъ берегамъ, снесшись и объяснившись съ ними дружески о существующихъ обстоятельствахъ; но вмѣсто сего теперь ему предписывается, поступать съ *Рускими*

нихъ докладываетъ Совѣту и прилагаетъ спараніе, получить скорое рѣшеніе. *Японцы* находятъ сей способъ правленія губерніями весьма удобнымъ; при томъ у нихъ онъ нуженъ въ другомъ отношеніи; ибо ни одинъ Губернаторъ не имѣетъ права брать съ собою въ губернію ни жены, ни дѣтей; онъ должны оставаться въ столицѣ заложниками его вѣрности. То же самое наблюдается и въ разсужденіи владѣтельныхъ Князей: жены и дѣти ихъ всегда живутъ въ столицѣ, а сами Князья погодно; одинъ годъ живетъ съ своею семьею, а другой въ Княжествѣ своемъ.

судами по прежнимъ повелѣніямъ, то есть, дѣлать имъ всякой возможной вредъ и спараться суда жечь, а людей брать въ плѣнъ; и потому ожидая прибытія *Рускихъ* въ *Кунаширѣ*, приказано *Князю Наимуцкому*, послать суда большой ошрядъ войскъ подъ предводительствомъ знашнаго военнаго Чиновника, много артиллеріи и разныхъ снарядовъ, а равнымъ образомъ и прочія приморскія мѣста укрѣпить и усилить. Если такъ, сказали мы, то война необходимо должна послѣдовать, и теперь уже не будутъ *Рускіе* въ кровопролитіи виновны; *Японцы* сами поставляютъ преграду къ примиренію! „Чтожь дѣлать? отвѣчалъ *Теске*, война будетъ, но невѣчно же она продолжится; когда нибудь мы примиримся, тогда васъ и отпустятъ домой.“ Такъ! думали мы, отпуссятъ! это случится тогда, когда уже и кости наши истлѣютъ. Мы очень хорошо знали, что съ пособіями *Охотскаго* порта невозможно было сдѣлать никакого впечатлѣнія надъ *Японскими* Правительствомъ, чтобы понудить оное на примиреніе; для сего надлежало бы отправить сильную экспедицію изъ *Балтійскаго* моря; но это зависѣло отъ того, скоро ли прекратится война съ *Англією*; а между тѣмъ время бы шло, и обстоятельства постепенно позабывались.

Вошъ что спрашило насъ и понуждало уйти до прибытія нашихъ судовъ: съ появленіемъ ихъ у *Японскихъ* береговъ, караулъ за нами сдѣлался бы строже; при томъ *Японцы*, смотря по ихъ поступкамъ, опять могли бы насъ запереть въ клѣтки.

Теске насъ только обнадеживалъ тѣмъ, что по

прибытіи сюда другаго Губернатора, если и онъ будетъ объ насъ тѣхъ же мыслей, какъ и *Аррао-Тадзимиано-Кали* (1) и сдѣлаеть въ пользу нашу представленіе, то съ помощію личнаго ходатайства его поварихи, они могутъ дѣлу нашему дать другой ходъ; но новаго Губернатора, мы непрежде могли ожидать, какъ черезъ два мѣсяца; а между тѣмъ наши суда могли придти, и испытавъ отъ *Японцевъ* назначенную для нихъ неслишкомъ гостепріимную встрѣчу, вѣроятно не спали бы сносить болѣе такого оскорбленія и принялись бы сами за непріятельскія дѣйствія. Припомъ отъ *Теске* мы также узнали, что новой Губернаторъ везетъ съ собою ту тайную бумагу присланную къ нимъ *Хвостовымъ*, которой они намъ еще не показывали; и въ ожиданіи коей *Японцы* безпрестанно предлагали намъ новыя вопросы о разныхъ предметахъ по совѣту *Мамии-Ринзо*, ибо онъ (какъ то намъ сказалъ *Теске*), сдѣлавшись великимъ нашимъ врагомъ, утверждалъ здѣсь передъ Губернаторомъ и въ столицу отсправилъ донесеніе, что, по мнѣнію его, мы непременно обманываемъ *Японцевъ*, и что мы не случайно къ нимъ пришли, а въ качествѣ шпионовъ, чему приводилъ онъ разные до-

(1) *Аррао-Тадзимиано*, имя перваго Губернатора; а *Кали* означаетъ достоинство, получаемое знатными вельможами отъ Духовнаго Императора, которое всегда прилагается къ имени. Въ *Европѣ*, а можешь быть и въ цѣломъ свѣтѣ, вѣтъ званія соотвѣствующаго сему *Японскому* достоинству; оно заключаетъ въ себѣ нѣчто священное.

казательства. Всѣ доводы, на коихъ основывалъ онъ свое мнѣніе, намъ не были извѣстны; но шѣ, о ко-
рыхъ *Теске* сказывалъ, были весьма смѣшны и глупы; по крайней мѣрѣ *Европейцу* должны они были тако-
выми показаться; на примѣръ: ему казалось сомнитель-
нымъ, чтобъ мы имѣли кредитивное письмо на пять
тысячъ піаспровъ въ *Кантонъ* къ *Англійскому* купцу,
говоря, что иностранцу нѣтъ никакой нужды давать
намъ деньги, и что мы все нужное должны везти съ
собою; почему онъ и спрашивалъ насъ, какъ зовутъ
этого купца, бывалъ ли онъ въ *Россіи*, умѣетъ ли го-
ворить по *Руски* и проч. но какъ бы то ни было, а
Теске признался намъ, что хотя *Мамія - Ринзо* не въ
силахъ былъ поколебать Губернатора въ добромъ его
объ насъ мнѣніи; но представленіе его въ столицѣ
будетъ имѣть большое дѣйствіе, ибо и безъ того уже
не токмо Правительству, но и вся публика тамъ очень
предубѣждены противъ насъ. Между тѣмъ переводчики
наши прилѣжно продолжали учиться по *Руски*, безпре-
спанно насъ разспрашивали и записывали сообщаемыя
имъ нами различныя свѣденія, напоминая часто, что
съ новымъ Губернаторомъ будутъ сюда ученые (1)

-
- (1) Въ столицномъ городѣ *Японской* Имперіи есть заведеніе, подобное нашимъ Университетамъ или Академіямъ: чле-
ны оного занимаются науками и преподають оныя мо-
лодымъ людямъ, изъ коихъ нѣкоторые живутъ въ са-
момъ заведеніи, а другіе приходятъ учиться, на что
нужно имѣть позволеніе Правительства. Велики ли по-
знанія ихъ ученыхъ, я буду говорить въ послѣдствіи.

нарочно, чтобъ заниматьсѣ съ нами науками и узнать содержаніе нашихъ книгъ. Короче сказать, сколько мы ни разсматривали свое положеніе, но не видали ни малѣйшей надежды, чтобъ Японцы освободили насъ по доброй волѣ; перемѣну же нашего состоянія къ лучшему, мы имѣли многіе причины приписывать желанію ихъ сберечь нашу жизнь, приучишь насъ шеряливо переносишь горькую нашу участь, и пользоватьсѣ нашими знаніями.

Утвердѣсь въ сихъ мысляхъ, мы помышляли единственно о томъ, какимъ способомъ привесть въ исполненіе смѣлое свое предпріятіе, которому величайшую преграду мы находили въ поварищѣ своемъ Г. Мурѣ. Это несчастное обстоятельство дѣлало положеніе наше еще ужаснѣе, если только возможно: мы ясно видѣли, что онъ, такъ сказать, переродился и сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ даже пересталъ называться Рускииъ (1), а увѣрялъ Японцевъ, что вся родня его живетъ въ Германіи и проч..... Явные разговоры его съ переводчиками показали намъ очень хорошо, чего мы должны ожидать отъ него; а Алексѣй намъ сказывалъ за шайну, что Г. Муръ открылъ ему свое намѣреніе, вступиши въ Японскую службу и быши у нихъ переводникомъ Европейскихъ языковъ, и что онъ его при-

(1) Отецъ Г. Мура былъ Нѣмецъ въ нашей службѣ, но мать Руская, а пошому онъ и крещенъ въ нашей вѣрѣ. Воспитаніе получилъ онъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

глашалъ къ тому же, общая ему свое покровительство, когда онъ будетъ въ случаѣ. Тогда мы увидѣли, что онъ для насъ былъ самый опасный человекъ, и что мы непременно должны поспѣшить исполненіемъ своего предпріятія.

Если бъ мы всѣ были согласны уйти, то исполненіе такого покушенія было бы неслишкомъ трудно. Солдаты *Тицнгарскаго* караула, хотя и не спали по ночамъ, но они нами не занимались, сидѣли обыкновенно около жаровни, разговаривали и курили шабакъ; ихъ дѣло было только каждые полчаса обойти дворъ кругомъ и прослушать часы; офицеръ же ихъ хотя и сидѣлъ безпрестанно у рѣшенки, но сквозь оную нечисто на насъ смотрѣлъ, а большею частію читалъ книгу (1). Чшоже принадлежитъ до внутренней при насъ стражи, состоявшей изъ Императорскихъ солдатъ, то они только сначала строго исполняли свою должность;

(1) *Японцы* охмѣнно любятъ заниматься чтеніемъ; даже простые солдаты, стоя въ караулѣ, почти безпрестанно читають, что намъ крайне не нравилось, ибо они всегда читають вслухъ и на распѣвъ, нѣсколько похоже на голосъ, которымъ у насъ псалтырь читается надъ усопшими; и пошому, пока мы не привыкли, то часто не могли спать по ночамъ. Они вообще любятъ читать отечественную исторію и описаніе бывшихъ у нихъ несогласій и войнъ съ сосѣдственными народами; всѣ такія книги напечатаны на *Японскомъ* языкѣ. Въ печати употребленіе свинцовыхъ буквъ они не знаютъ, а вырѣзываютъ свои сочиненія на доскахъ крѣпкаго дерева.

но послѣ по большой части спали по ночамъ, или въ задней караульнѣ читали книги, а другіе играли въ каршы или въ шашки (1). И такъ около полуночи мы всѣ могли пошпихоньку одинъ за другимъ выбраться на дворъ, оставляя на постеляхъ у себя лишнее платье, поддѣлавъ оное наподобіе свернувагося подъ одѣломъ чедовѣка; потомъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ была подъ оградю небольшая канавка для спуску воды со двора, легко и скоро могли мы прокопашь опверзшіе, въ ко-

- (1) Каршочная игра и шашки въ большемъ употребленіи между *Японцами*; они любящъ играть въ деньги и часто до нитки проигрываются. Съ каршами познакомили ихъ *Голландскіе* маторозы, ибо прежде они могли свободно обращаться съ жителями, посѣщая въ *Нагасаки* пишейные дома и непотребныхъ женщинъ. Каршы въ *Японіи* также извѣстны. подѣ *Европейски*мъ ихъ именемъ и состояли изъ 52 листовъ; но какъ онѣ были запрещены по причинѣ случившейся въ каршочной игрѣ ссоры и смершубійства, то *Японцы* выдумали, для опклоненія закона, сдѣлашь колоду изъ 48 каршъ, которыя величиною вчетверо менѣе противъ нашихъ и употребляются повсюду. Въ шашки игра ихъ премудреная, которой мы никакъ не могли дать толку: они употребляютъ преольшую шашницу и около 400 шашекъ, которыя ходящъ и берутъ въ разныхъ направленіяхъ и разнымъ образомъ. Маторозы наши играли въ обыкновенныя *Европейскія* шашки; *Японцы* потѣхъ неревняли игру сію, и она вдругъ распространилась по всему городу, причѣмъ они выучились употреблять *Рускія* названія въ эшой игрѣ обыкновенныя. Сіи названія со временемъ, можетъ быть, подадутъ какому нибудь ученому мужу поводъ къ заключенію, что *Рускій* и *Японскій* языки происходятъ отъ одного корня!

второе одинъ человекъ могъ пролѣзть. Выбравшись за стѣну, надлежало намъ пошихоньку, а идѣ и ползкомъ сквозь городъ пробираться къ морскому берегу, гдѣ подойдя къ высмотрѣнному нами во время прогулокъ судну переѣхавъ на оное на маленькихъ лодкахъ, копорыхъ по всему берегу много, и завладѣвъ имъ пускаться въ море. Для исполненія сего плана нужно было только дожидаться крѣпкаго вѣтра съ берегу. Но какъ Г. Муръ отъ насъ уже отдѣлился и, подозрѣвая наше намѣреніе, примѣчалъ за нами, какъ то мы нѣсколько разъ замѣшили; то посему одни мы покусились на такое предпріятіе никакъ не могли, ибо онъ, увидѣвъ и увѣрившись, что мы ушли, можешь быть не болѣе какъ черезъ четверть часа послѣ нашего выхода за ограду, а вѣроятно и скорѣе, встревожилъ бы караульныхъ и открылъ бы имъ наши намѣренія; въ такомъ случаѣ они вмигъ бросились бы къ берегу и пресѣкли бы намъ путь, потому, что до самаго берега должны мы были проходить городомъ, а у Японцевъ въ улицахъ есть часовые и часо ходятъ напрули; при томъ ночью у нихъ никто не смѣетъ ходить безъ фонаря; слѣдовательно мы должны были, такъ сказать, ползкомъ пробираться, на что потребно было по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ; и потому сей планъ, безъ содѣйствія Г. Мюра, не годился; а были другіе два. Первой: вмѣсто того, чтобы прокрадываться къ морскому берегу, мы могли идти между деревьями, насаженными на площадѣ, соснаваляющей родъ гласиса за ровомъ съ западной стороны крѣпости, ибо въ прогулкахъ нашихъ мы замѣши-

ли, что у *Японцевъ* ни на валу, ни на гласисѣ не бываетъ часовыхъ, а только внутри крѣпости у воротъ по два часовыхъ сидятъ въ большой башкѣ и покуриваютъ опъ скуки табачекъ, какъ должно *добрымъ служивымъ*. Гласисомъ могли мы придти въ длинную аллею большихъ деревъ и потомъ на главное городское кладбище (1), которое было расположено на большомъ пространствѣ вдоль глубокаго оврага; пройдя кладбище, мы были бы уже въ чистомъ полѣ, а путь верстахъ въ двухъ и горы начинаются. Горами мы должны были идти дня три къ сѣверу, а потомъ вышедши на морской берегъ, искать случая овладѣть судномъ. Другой планъ былъ шить, чтобы силою ошибиться у конвойныхъ, буде гуляя по берегу попадется намъ исправная лодка. Сей планъ мы предпочитали первому; ибо ушедъ въ горы, мы могли дать время *Японцамъ* разослать повелѣнія по всему берегу, чтобы они имѣли строгую караулъ повсюду при судахъ, а первый планъ штъ былъ неудобенъ, что надобно было ожидать спеченія двухъ случаевъ: свѣжаго попушнаго вѣтра и удобнаго судна, время же и обстоятельство не позволяли намъ медлить; однакожъ мы рѣшились подождать

(1) Кладбищемъ мы могли идти какъ угодно скоро, ибо *Японцы*, точно такъ какъ и *Европейцы*, неохотно по ночамъ приближаются къ такимъ мѣстамъ; если бы случилось кому нибудь изъ нихъ быть штъ близко, то, увидѣвъ нѣсколько тѣней такого росту, какъ мы, мелькающихъ между памятниками, онъ и самъ бы нескоро опомнился.

нѣсколько дней, не удастся ли исполнить второй изъ сихъ плановъ.

Между тѣмъ мы запасались всѣмъ нужнымъ къ вояжу, разумѣлся тѣмъ могли; на примѣръ: прогуливаясь за городомъ, нашли мы огниву, одинъ изъ маistroвъ наступя на нее ногою, спалъ поправляя обувь и пошчасъ тайно опъ *Японцевъ* положилъ оную въ карманъ; а потомъ изъ нѣсколькихъ кремней, бывшихъ у нашихъ работниковъ, нашли мы случай также пошхоньку присвоить себѣ въ собственность парочку; доскупъ же старой рубашки, будто бы случайно упавшій на огонь и сгорѣвшій, доставилъ намъ пруть; припомъ мы ежедневно увеличивали количество съѣстныхъ припасовъ, которые всегда таскали съ собою привязавъ около поясицы, подъ мышками и проч.. Эти заготовленія дѣлались по части *экономической*, а по *военной*, нашли мы въ правѣ на нашемъ дворѣ большое острое долото, вѣроятно позабытое шупъ плотниками; мы пошчасъ его спршали и тогдаже рѣшили при первомъ удобномъ случаѣ насадить оное на длинный шестъ и употреблять вмѣсто копья; такое же назначеніе опредѣлили мы *заступу*, принесенному на нашъ дворъ на время, которой будто бы случайно или по ошибкѣ загнули мы подъ крыльцо. Но это еще не все; пословица, что *нужда всему научитъ*, весьма справедлива. *Г. Хлбниковъ* умѣлъ даже сдѣлать комятъ; на сей конецъ выпросили мы у работниковъ двѣ большія иглы для починки плащя и сказали имъ, что потеряли ихъ. *Японцы* во многихъ мѣстахъ въ домахъ своихъ

снаружи пазы обивають мѣдью, и въ нашемъ домѣ было тоже; только оное времени вся почти она изоржавѣла и пропала; однакожъ Г. Хлббниковъ сыскалъ лоскутокъ, вычисливъ оной и иголки соединилъ мѣдью, сдѣлавъ въ срединѣ оной ямку для накладыванія на шпильку; иголкамъ же, посредствомъ часто повпоряемого тренія о камень, имъ выбранный, сообщилъ онъ достаточную магнитную силу, такъ, что онъ весьма порядочно показывали полярныя страны свѣша. Фупляръ сдѣлалъ онъ изъ нѣсколькихъ листовъ бумаги, склеенныхъ вмѣстѣ сорочинскимъ пшеномъ. За компасомъ симъ работы было немало, припомъ мы должны были наблюдать большую осторожность: если бы Японцы примѣтили Г. Хлббникова, трущаго иголку о камень, то конечно не поняли бы настоящей причины, а подумали бы, что онъ точить ее; но Г. Мура нельзя было обмануть, и потому, когда онъ въ заднемъ углу двора занимался симъ дѣломъ, тогда кто нибудь изъ насъ ходилъ по двору и подавалъ ему условленные знаки о приближеніи людей подозрительныхъ.

Изъ дому Японцы стали водить насъ гулять чаще, нежели прежде; сначала переводчики, а потомъ нѣкоторые изъ гражданъ приглашали насъ къ себѣ въ дома и угощали; но какъ по ихъ закону не позволяется принимать въ домъ иностранцевъ, то заходили мы подъ видомъ, что устали и имѣемъ нужду въ отдохновеніи, а тамъ уже все прежде было приготовлено; и потому, соблюдая одни слова, а не смыслъ закона, они въ домъ насъ не вводили, но сажали на галереѣ, гдѣ

заблаговременно были разоспаны чистые маты, и подчивали насъ по *Японскому* обыкновенію чаемъ, курительнымъ табакомъ, *сагою*, сладкими пирожками, плодами и прочимъ.

Однажды, прогуливаясь по берегу, подошли мы къ двумъ маленькимъ рыбацкимъ лодкамъ; въ тоже время вдоль берега шла большая лодка подъ парусами: она была точно такая, какой мы искали; надлежало отбиться у *Японцевъ*, завладѣть рыбацкими лодками и догнать оную; мы тотчасъ спали съ *Г. Хлѣбниковымъ* совѣшавшись, но увидѣвъ, что успѣхъ предпріятія подверженъ былъ крайнему сомнѣнію, мы оное оставили; ибо пока мы отбивались бы у конвойныхъ, рыбаки могли отвалить; да и завладѣвъ лодками сомнительно было, догонимъ ли еще большую лодку. Между тѣмъ *Г. Муръ*, примѣчавшій каждый шагъ нашъ, тотчасъ догадался по положенію, которое взяли мы въ разсужденіи конвойныхъ, къ чему дѣло клонилось. По возвращеніи нашемъ домой, *Алексѣй* немедленно сказалъ намъ по-пихоньку, что мы въ большой опасности, ибо *Г. Муръ* научалъ его открыть *Японцамъ* о нашемъ намѣреніи отбиться и уйти; а въ противномъ случаѣ грозилъ самъ объ этомъ имъ сказать; и потому спрашивалъ насъ *Алексѣй*, точно ли мы рѣшились это сдѣлать, и если такъ, то просилъ, чтобы его не покидали. Надобно знать, что послѣдній нашъ планъ мы скрывали отъ *Алексѣя*, опасаясь, чтобы онъ не спрусилъ покуситься на такое ошчаянное дѣло и не измѣнилъ намъ. При томъ мы замѣтили, что онъ всякой день по нѣскольку часовъ

скрытно отъ насъ разговаривалъ съ Г. *Муромъ*; почему мы подозрѣвали, нѣтъ ли и шупъ какой хитрости: можешь быть Г. *Муръ* точно еще неуверенъ, что мы дѣйствительно не оставили своего намѣренія и не побросали приготовленной провизіи, и шакъ объявивъ *Японцамъ* о семъ важномъ для нихъ и для насъ дѣлѣ, и не бывъ въ состояніи доказать оное, ему бы очень было предъ всѣми стыдно, что сдѣлалъ такой поступокъ противъ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ, которые не желали и не сдѣлали ему ни малѣйшаго зла, а не хотѣли только, для компаніи ему, умереть въ неволѣ; при томъ онъ могъ и то думать, что если на насъ докажешь, а послѣ мы всѣ какимъ нибудь чудомъ возвратимся въ *Россію*, то его измѣна будетъ ему причиною вѣсгдашнихъ угрызеній совѣсти. Посему думали мы, что ему прежде нужно совершенно увериться въ нашемъ намѣреніи, а тогда уже открытъ *Японцамъ*; на сей-то конецъ онъ и уношребляетъ *Алексѣя Г. Хлебникова* однако жъ думалъ, что сей *Курилецъ* искренно къ намъ расположенъ, и что ему можно открытъ нашу шайну. Я колебался и не зналъ, на что рѣшиться; но мажорозы всѣ единогласно не хотѣли сдѣлать его участникомъ въ такомъ важномъ для насъ дѣлѣ, говоря, что какія бы прежде мысли онъ объ насъ ни имѣлъ, но Г. *Муръ* могъ своими наставленіями ихъ переменить и склонить его на свою сторону. Въ положеніи, подобномъ нашему, невозможно повѣловать, а должно уговаривать, соглашать и уважать мнѣніе cadaго; почему мы приняли совѣтъ мажорозовъ

нашихъ и сказали *Алексѣю*, что опинюдь нѣтъ у насъ никакого намѣренія уйши; развѣ лѣшомъ объ этомъ подумаемъ; а между тѣмъ стали спрашивать его мнѣнїя, какъ бы это лучше сдѣлать и въ какое время. Теперь оставалась намъ только забота, какъ поступить съ *Г. Муромъ*, не лѣзля его такъ же какъ нибудь увѣривъ, чтобы онъ насъ не подозрѣвалъ въ такомъ замыслѣ. На сей конецъ я и *Г. Хлѣбниковъ* согласились открыть ему, что мы намѣрены уйши и его приглашать съ собою; но сказавъ однакожъ, что не прежде думаемъ покушиться на это, какъ по прїѣздѣ новаго Губернатора, когда уже узнаемъ содержаніе присланной *Хвостовымъ* бумаги и увидимъ, какъ новый *Буніосъ* будетъ къ намъ расположенъ, и что онъ намъ скажетъ. Можетъ быть, тогда откроется намъ надежда другимъ безопаснымъ и вѣрнымъ способомъ возвратиться въ отечество, а можетъ быть наступятъ такія обстоятельства, которыя и его заставлятъ съ нами согласиться и отважиться на послѣднюю крайность; до того же времени мы совсѣмъ не намѣрены уйши. На это *Г. Муръ* намъ сказалъ, что судьба его рѣшена: какія бы новости *Буніосъ* намъ ни привезъ, онъ не уйдетъ, рѣшась остаться въ *Японіи*. Мы, къ удовольствію нашему, въ первые два дня примѣтили, что хитрость наша удалась: *Г. Муръ* совершенно успокоился и пересталъ за нами примѣчать.

Наконецъ пришло и 20 число Апрѣля; скоро должно было наступить время, когда мы могли ожидать прибывшїя нашихъ судовъ, полагая, что *Диана* ушла на зиму

изъ *Охотска* въ *Камгатку*; а удобнаго случая отбиться и завладѣть лодкою мы не находили, да и по всему казалось, что и найши онаго никогда нельзя будетъ. Между шѣмъ неоспорожность нашихъ машрозовъ, а можешь быть и наша собственная опчаспи, возбудила опять подозрѣніе въ Г. *Мурѣ* и онъ спалъ косо на насъ посматривашъ. Дѣлать было нѣчего и мы вывели слѣдующее заключеніе: берега *Матсмая* усѣяны селеніями, большими и малыми; при всякомъ изъ нихъ множество судовъ и людей. И пакъ невозможно, чшобы вездѣ могъ быть строгій и крѣпкій караулъ; впрочемъ въ небольшихъ рыбацкихъ шалашахъ, можемъ употребить и силу (а *сильнѣе Богъ помогаетъ*)! и пошому рѣшились уйти въ горы. Апрѣля 23 насъ водили гулять за городъ; мы предложили *Японцамъ*, подъ видомъ любопытства, пойти посмотришь вновь строившагося послѣ пожара при самомъ кладбище храма (1).

-
- (1) Когда мы ходили гулять, то очень часто *Японцы* показывали намъ свои храмы и часовни, и даже позволяли въ нихъ ходить и все тамъ разсматривашъ, безъ малѣйшаго препятствія. Въ семъ отношеніи они менѣе суевѣрны, нежели многіе *Европейскіе* народы; *Японцы* сами насъ приглашали идти въ ихъ храмы и все показывали, а послѣ шущъ же въ дверяхъ храма сажали насъ, подчивали чаемъ, *сагою* и давали курить табакъ, да и сами тоже дѣлали. Внутренность ихъ храмовъ съ перваго взгляда весьма походитъ на *Католическія* церкви; такимъ же образомъ спойтъ иконостасъ, множество рѣзныхъ или вылитыхъ фигуръ, большихъ и малыхъ подсвѣчниковъ со свѣчами и проч.

Сей способъ доставилъ намъ случай, опмѣнно хорошо выстрофѣвъ и замѣшивъ всѣ пропихи, по коимъ мы должны были идти. Будучи въ полѣ мы прилѣжно собирали дикой лукъ (1) и набрали такое количество, что Г. *Мурб* могъ увѣриться въ нашемъ намѣреніи пробывать еще нѣсколько времени въ его сообществѣ; а по возвращеніи домой мы припворились, что крайне устали и легли ошдыхать. Вечеромъ мапрозы наши взяли на кухни, скрыпнымъ образомъ, два ножа, а за полчаса до полуночи, двое изъ нихъ (*Симоновъ* и *Шкаевъ*) выползли на дворъ и спрятались подъ крыльцо; и коль скоро пробило полночь и *Туынгарскій* папруль обошелъ дворъ, то они начали рысть проконъ подъ спѣну. Тогда и мы все (кромѣ Г. *Мюра* и *Алексѣя*) вышли одинъ за другимъ и пролѣзли на наружную сторону. При семъ случаѣ, я, упираясь въ землю ногою, скользнулъ оною и ударилъ коленною въ небольшой колъ, воспкнутой въ самомъ ошверстїи; ударъ былъ жестокой, но въ ту же минушу я перестала чувствовать боль. Мы вышли на

-
- (1) *Японы* дикой лукъ ѣдятъ вареный, когда онъ еще очень молодъ; а черемши вовсе никогда не ѣдятъ, хотя она была бы весьма полезна для нихъ, ибо въ здѣшнемъ климатѣ цынготная болѣзнь свирѣпствуетъ въ высочайшей степени и многихъ изъ нихъ въ гробъ вгоняетъ, а черемша, какъ то опытомъ дознано, имѣетъ весьма сильное противуцынготное дѣйствіе. Но какъ мы ѣли и лукъ и черемшу, то прогуливаясь въ полѣ всегда сами собирали оныя растѣнія, чтобы избавить оныхъ лишнїихъ трудовъ нашихъ работниковъ, кошарымъ и безъ того много было дѣла.

весьма узенькую тропинку между стѣною и оврагомъ, такъ, что съ великимъ трудомъ могли добраться по ней до дороги; потомъ пошли скорымъ шагомъ между деревьями по гласису и по кладбищу; а чрезъ полчаса были уже при подошвѣ горъ, на которыя надлежало подниматься.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Стран.	Слрок.	напечатано	читай
37	5	нерпячю	нерпячи
		шюленью	шюленьи
51	10	увѣрили	убѣряли
61	8	народа.	народа:
89	14	и снова	и они снова
161	8	разужденіи	разсужденіи
179	2	можешъ	могушъ
217	11	отѣзда	отѣзда
224	25	Голланддецъ	Голландецъ
233	2	образовъ мнадписи	образомъ надписи
244	23	кой-чего	кое - чего
261	26	Галландцевъ	Голландцевъ

